

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

БЕРИЯ

ЛУЧШИЙ МЕНЕДЖЕР XX ВЕКА

Главные исторические сенсации

Сергей Кремлев

Берия. Лучший менеджер XX века

«Яуза»

2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кремлев С.

Берия. Лучший менеджер XX века / С. Кремлев — «Яуза»,
2017 — (Главные исторические сенсации)

ISBN 978-5-9955-0837-3

6-е ИЗДАНИЕ культового бестселлера, с которого началась полная моральная реабилитация Лаврентия Павловича Берии. Самая честная и подробная биография величайшего Управленца СССР. Лучший памятник единственному достойному наследнику Сталина, который мог исполнить завещание Вождя: вырвать власть из рук чиновников, чтобы вернуть ее народу! В юности Берия мечтал строить новые города, но в итоге стал вторым после Сталина строителем Сверхдержавы. Заняв пост наркома внутренних дел в разгар Большого Террора, он покончил с ежовским беспределом и восстановил законность. Он предупреждал Вождя о близости войны, подготовил оборону Москвы, отстоял Кавказ и всю Великую Отечественную отвечал за военное производство, а после Победы стал основателем атомной и ракетной отрасли. Не зря даже многие враги признавали его «лучшим менеджером XX века». Опровергая хрущевскую клевету, эта книга воздает должное советскому гению, который был не «палачом» и «вурдалаком», как врут враги народа, а спасителем СССР и последней надеждой Сверхдержавы на великое будущее!

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0837-3

© Кремлев С., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

От автора	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	30
Глава 6	45
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Кремлёв

Берия. Лучший менеджер XX века

Я не верю в коллективный разум невежественных индивидуумов.
Томас Карлейль

Переоценка прошлого необходима не для одной совести. Переоценка истории есть единственная возможность пути.
Петр Чаадаев

Автор предлагает расценивать эту книгу как концептуальную базу для действий тех своих сограждан, которые обладают правом законодательной инициативы, по организации кампании за полную юридическую и историческую реабилитацию выдающегося сына России Лаврентия Павловича Берии, а также за достойное увековечение его памяти в общенациональном масштабе.

От автора

Уважаемый читатель!

В последнее десятилетие имя Берии по частоте его упоминания среди других исторических фигур советской эпохи стоит, пожалуй, на третьем месте после Ленина и Сталина.

Случайно ли это?

Думаю, нет. Причем среди написанного о Берии имеются и серьезные работы, как, например, «Неизвестный Берия» безвременно ушедшего Алексея Топтыгина, и пасквили типа «Красного заката» бывшего партократа Валерия Болдина.

Стали широко известными «Убийство Сталина и Берия» Юрия Мухина и «Последний рыцарь Сталина» Елены Прудниковой. Немало страниц посвящено Лаврентию Павловичу в местах спорной, но яркой книге Александра Бушкова «Сталин: ледяной трон».

Однако тема далеко не исчерпана. И поэтому я – после некоторых сомнений – решил сделать и свою книгу о Берии. Началось все, впрочем, с предложения написать журнальную статью о его вкладе в решение советской Урановой проблемы.

Давно догадываясь, что имя Лаврентия Павловича во многом оболгано, я с удовольствием взялся за работу и вскоре был удивлен тем обликом Берии, который вырисовывался при внимательном изучении объективных документов Атомного проекта СССР. Председатель Спецкомитета при Совете Министров СССР выглядел не просто выдающимся организатором новой отрасли, но и...

Да, он выглядел к тому же и человеком высокой моральной кондиции, нормальным и даже душевным, чутким человеком!

Причем я имел дело с достоверными рассекреченными документами, издаваемыми в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 17.02.95 № 160 «О подготовке и издании официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР». Восемь солидных томов этого «сборника» весят более десяти килограммов!

И вот из этих документов проглядывал человек, а не «монстр»!

Пришлось забраться в материалы по Берии и его эпохе (и, увы, в пасквили о нем и о ней) более глубоко. Я все более увлекался темой и, в конце концов отставив в сторону другие замыслы, принялся за тот труд, результаты которого представляю теперь на суд уважаемого читателя.

Завершая это краткое вступление, автор считает своим приятным долгом поблагодарить за содействие и плодотворные дискуссии многих своих коллег, в том числе: А.А. Агапова, В.А. Акулова, В.М. Ботева, Л.А. Кочанкова, А.Н. Кочубаева, П.П. Максименко, А.А. Мукашева, А.П. Осипцова, Н.А. Сороку, и отдельно – В.М. Воронова, с неизменной доброжелательностью помогавшего автору отыскивать некоторые материалы и постоянно обсуждавшего с автором его будущую книгу.

Автор искренне признателен А.И. Колпакиди как за предоставление ряда ценных материалов, так и за полезные обсуждения различных сторон проблемы в ходе работы.

Автор благодарен также коллективу библиотеки им. В.В. Маяковского в городе Сарове («Арзамас-16») за внимание к его нуждам и интересам.

Глава 1

Рассуждения о предмете книги, о первоисточниках и кое о чем еще...

Казалось бы, предмет книги ясно обозначен на обложке – это судьба Лаврентия Павловича Берии. Однако на самом деле все не так уж и ясно. Поэтому, приступая к работе, я много размышлял над тем, как разобраться в его жизни так, чтобы дать по возможности ее *реконструкцию*, а не «версию». Сейчас в ходу серия книг с интригующим названием «Рассекреченные жизни». Лаврентий Берия не был секретным агентом – уже с молодых лет он стал личностью, как говорится, «публичной». И тем не менее, если уж включать его жизнеописание в какую-то серию, то ей очень подошло бы название «Засекреченные жизни».

Причин тому – много.

Одна из них – та, что почти полвека о Берии или не говорили ничего, или лгали так, что никакое мало-мальски верное представление о нем составить было невозможно. Пожалуй, лишь еще одну фигуру мировой истории стремились изгнать из памяти общества так же настойчиво. Это – Герострат, в 356 году до нашей эры, в ночь рождения Александра Македонского, сжегший храм Артемиды в Эфесе.

Берия не разрушал, а создавал, но его тоже настойчиво изгоняли из официальной истории. А уж если и создавали ему славу, то исключительно геростратову. Однако время действительно рано или поздно все расставляет на свои места, даже если кого-то на время вырезают из истории в прямом смысле слова – бритвенным лезвием, как было вырезано из нее имя Берии.

Да, в 1953 году подписчики Большой Советской Энциклопедии получили по почте пакет, внутри которого находилась четвертушка листа, где типографским образом сообщалось следующее:

«ПОДПИСЧИКУ

БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия» рекомендует изъять из 5 тома БСЭ 21, 22, 23 и 24 страницы, а также портрет, вклеенный между 22 и 23 страницами, взамен которых Вам высылаются страницы с новым текстом.

Ножницами или бритвенным лезвием следует отрезать указанные страницы, сохранив близ корешка поля, к которым приклеить новые страницы.

Государственное научное издательство

«Большая Советская Энциклопедия».

Считается, что наиболее длинная фамилия в советской истории – «Примкнувший к ним Шепилов».

Этот когда-то знаменитый партийно-государственный деятель, главный редактор «Правды», кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, министр иностранных дел, улаживавший Суэцкий кризис 1956 года, выступил против Хрущева на том заседании Президиума ЦК в июне 1957 года, когда большинство Президиума (и прежде всего – Молотов, Каганович и Маленков) было готово отстранить Хрущева от руководства. Вскоре большинство этого большинства, а с ним – и «примкнувший к ним Шепилов», лишилось всех постов после быстро спроворенного Хрущевым Пленума ЦК.

Шепилов прожил долгую жизнь и умер в 1995 году девяноста лет от роду. На книгу о нем и на его воспоминания я буду позже ссылаться, и тогда отношение к нему автора обрисуетя яснее. Сейчас же я упомянул об этом обладателе – как считали остряки той эпохи –

«самой длинной фамилии в СССР» лишь для того, чтобы опровергнуть остряков и заявить, что «фамилия» с 22 буквами – не рекорд! Ибо в «фамилии» «Вклеенный между 22 и 23 страницами» 29 букв, и, выходит, абсолютным рекордсменом как по анонимности, так и по длине невольного «псевдонима» стал Берия.

Соответственно, его фамилию мы тщетно искали бы после 1953 года в любом советском справочнике. Даже в самых подробных и детальных академических изданиях не упоминалось имя человека, которому в 5-м томе БСЭ было посвящено четыре (!) страницы и чей портрет занимал там полностью еще одну страницу. Берия напрочь выбросили из отечественной истории.

А из истории мировой?

В четвертом томе «Оксфордской иллюстрированной энциклопедии», изданной на русском языке издательством «Весь мир» в 2000 году, скудные сведения об этом, десятилетиями не существовавшем для СССР, человеке имеются, и эта энциклопедия отводит советскому политику Lavrenti Pavlovich Beria поистине чудовищную роль в проведении широкомасштабных «чисток» сталинской эпохи.

Справедливости ради замечу, что русский «Оксфорд» скупно признает, что во время войны Берия занимался развитием оборонной промышленности. А далее, переврав хронологию (Лаврентия Павловича арестовали не в июле, а 26 июня 1953 года), «Оксфорд» сообщает, что Берия после смерти Сталина проиграл-де коалиции Маленкова, Молотова и Хрущева, был арестован, осужден и расстрелян.

Итак, и для мировой истории ключевые слова в части Берии: «чудовище», «чистки», «лагеря», «ликвидация», «заговор», «расстрел», «смерть»...

А сквозь зубы – «развитие».

Доморощенные «аналитики» и «исследователи» «демократического» образца следуют примерно той же схеме. Мол, насаждая страх, «шеф НКВД» методом террора умел-де обеспечить работу различных отраслей промышленности, неплохо руководил атомными работами, но – «все равно сволочь», как сказал мне один все еще «демократизированный» знакомый. И толкуй ему, что на самом деле все было иначе. Нет, он все «знает» и так!

Для того чтобы в ложь поверили, она должна быть чудовищной! Этим рецептом широко пользовался Геббельс, однако уже в Первую мировую войну пропаганда англосаксов облыжно обвиняла Германию в производстве жиров, извлекаемых из трупиков невинно убиенных французских младенцев.

А ЧТО ЖЕ совершил «изверг» Берия?

Вот некая цитата, которую я приведу без малейших купюр: «...очерк, уже написанный, лежал на моем столе. Я поставил последнюю точку и размышлял и еще раз переживал все ужасы, связанные с именем человека, которого наверняка будут проклинать многие поколения. И если я писал в четырех первых очерках с болью в сердце и с состраданием к невинно расстрелянным маршалам, то пятый, о котором пойдет разговор, заслужил не только расстрела, но, если бы было возможно, его надо было бы еще повесить, посадить на электрический стул, отрубить ему голову гильотиной (вообще-то литературная норма – «на гильотине». – С.К.) – и всего этого было бы мало за его преступления».

Четыре «невинных» – это: 1) самоуверенный, с замашками Бонапарта, «гений» троцкистского толка Тухачевский; 2) маршал с весьма запутанной судьбой Егоров; 3) бездарный «маршал» Кулик и 4) деградировавший, потерявший сам себя Блюхер.

Пятый же маршал – Берия. А его ненавистник – писатель Владимир Карпов, в свое время ушедший из лагеря на фронт и там ставший полковым разведчиком, Героем Советского Союза.

Читаешь сие и думаешь – откуда у «инженера человеческих душ» такая звериная кровожадность? Да и не звериная – зверь не кровожаден, он всего лишь хочет есть.

Так откуда такая патологическая ненависть? От застарелой обиды? Но очень уж злопаятно... Нет, вряд ли все объясняется обидой. Здесь что-то другое... Возможно – инстинктивное неприятие человека яркого, выдающегося и – в отличие от хулителей – не корыстного, жившего – в отличие от хулителей – не личной выгодой, а высокими идеалами? Но ярких, нестандартных личностей в советской истории хватает и кроме Берии.

Так почему же до одури злобно – именно о Берии? Очаровательная Констанция Бонасье из «Трех мушкетеров» заявляла: «Кто говорит «Ришелье», тот говорит «Сатана». Сегодня «интеллектуалы», «интеллигенты», либералы и «демократы» широкого спектра заявляют то же самое в отношении Берии. И это – очень нечастый случай абсолютной, тотальной демонизации исторической личности не на страницах авантюрного исторического романа, а в реальной истории.

Сказать доброе слово о Берии – как бы оно ни было подкреплено фактами – непросто. Дальше мы увидим, что даже тот, кто приводит глубоко положительные для Лаврентия Павловича сведения из практики личного общения с ним, пугливо оговаривается: мол, Берия, конечно, «изверг» и «создатель ГУЛАГа», но вот, мол, *лично со мной* вел себя по-человечески, в лагерную пыль не стирал и даже матом не ругался. А так, какие могут быть сомнения – «палач»!

Однако был ли мальчик? В смысле – демон?

Русская история богата на оболганные по тем или иным причинам выдающиеся государственные фигуры, начиная с Ивана Грозного... Стало отрицательно нарицательным имя, скажем, Аракчеева... Хотя объективные документы доказывают обратное, начиная, например, с того, что реформатор русской артиллерии эпохи Отечественной войны 1812 года не имел отношения к эксцессам «военных поселений», с которыми его имя прочно связывают.

А в наше время такой мрачной «знаковой» фигурой стал Лаврентий Павлович Берия.

«Внутренний хроникер» ЦК КПСС Николай Зенькович в одной из своих книг бухнул прямо, что, мол, вопрос не в том, был ли Сталин убит, а в том, как это было сделано. Признание ценное, но примерно то же самое можно сказать, имея в виду Берию. Вопрос не в том, был ли он гнусно оболган, а в том, почему он был оболган так гнусно и тотально.

Этот вопрос приходит на ум каждому, кто приступает к исследованию проблемы непредвзято.

Им задавался Юрий Мухин.

Им задавалась Елена Прудникова.

Задался им и я. И ответ мой близок к ответам других объективных исследователей феномена Берии: его вначале оклеветали, а затем вообще вырезали из истории страны потому, что преступником был не он, а его хулители и уничтожители.

Государственный потенциал Берии по сравнению со всеми этими Хрущевыми и Маленковыми был настолько велик, что концы преступления надо было прятать в грязь.

Вот их туда и спрятали.

И разобраться теперь с тем, где – грешное, а где – праведное, сложно. Причем первичных сведений о Берии в научном обороте немного, что и понятно: попробуй доберись до них, скрытых в глухо закрытых архивах! Да и есть ли в этих, семидесяти- и более летней давности, архивах все факты? И сколько в этих архивах «фактов» в кавычках?

Уничтожать архивы начал уже Хрушев, при Горбачеве эта линия успешно продолжилась, «обогатившись» еще и практикой изготовления стратегических фальшивок.

А уж при Ельцине...

Для «Россиянин» Путина процесс уничтожения и фальсификации исторических архивных документов нехарактерен, но лишь потому, что предшественниками Путина в этом направлении уже была проделана громадная работа. Ложь о Великой Октябрьской революции,

о «белых и пушистых» белогвардейцах, о Ленине и Сталине, о Великой Отечественной войне и «семидесятилетием» «совковом» рабстве уплотнена уже до предела.

«Пружина» фальсификации истории Отечества сжата так, что «витки» ее почти сомкнулись. И постепенно начинается обратный процесс.

ОДНАКО не каждому положительному свидетельству о Берии можно верить, особенно если оно исходит, например, от сына Берии – Серго, написавшего нашумевшую книгу «Мой отец Лаврентий Берия». В этой книге немало откровенных выдумок. Скажем, Серго явно не был – как он утверждает – на испытании нашего атомного первенца РДС-1 в 1949 году. Очень уж неточен он во многих деталях. Фантастичны его утверждения о том, что гостем особняка отца и собеседником Серго был в конце 1939 года Роберт Оппенгеймер. И уж совсем ни в какие ворота не лезет рассказ Серго о встрече отца в его присутствии с командиром германской подводной лодки, прибывшей на советскую военно-морскую базу за неделю до начала войны, чтобы командир лодки мог известить Берию о приказе через неделю топить советские суда.

Но когда Серго пишет о том, что отец его был скромен в быту, поверить в это можно, как и в то, что его отец любил активный отдых (глядя на любительские фото Берии на отдыхе, в этом убедиться легко).

Так же явно достоверны сообщения Серго Лаврентьевича о том, что отец не препятствовал желанию юного сына ездить на машине, но лишь после того, как сын сам (пусть и при помощи опытных механиков) соберет из старья «фордик» для катания.

И стопки иностранных журналов сыну для перевода Берия-старший, как я понимаю, действительно приносил, приучая Серго под видом помощи отцу к труду и к освоению языков.

Это вроде бы – мелочи... Но это мелочи показательные, говорящие о сути и характере личности многое.

И даже – очень многое.

И так же можно поверить тому же Серго, что профсоюзных деятелей Берия открыто называл бездельниками, потому что на уровне высших профсоюзных лидеров (Берия имел дело, конечно, с ними) так ведь оно чаще всего и было. А Берия, будучи человеком дела, болтунов и бездельников жаловал не больше, чем Сталин.

Вполне можно верить и тем историкам и мемуаристам, которые к Берии нелояльны, но из материалов которых объективно вытекают выводы, для Лаврентия Павловича положительные (как, например, в случае мемуаров конструктора систем ПРО Кисунько). Уж эту-то информацию можно считать достоверной!

Очень легко было сбиться и на такой подход: «Сам Молотов вспоминал...», или: «В мемуарах «легендарного» Судоплатова...», и т. д. Но как часто такая информация объективно стоит немного. Где-то подводит память, где-то – увы, совесть... Не исключаются и позднейшие дописывания. А уж как часто, повторяю еще раз, мы имеем дело с прямой, геббельсовского образца, ложью!

Внучка выдающегося русского невропатолога, психиатра и психолога, морфолога и физиолога нервной системы Владимира Михайловича Бехтерева, академик Бехтерева, в конце 80-х годов заявила, что ее, мол, дед после медицинского осмотра Сталина назвал его параноиком, за что и был-де отравлен.

Ах, сколько же было вокруг этого заявления «демократических» обличений. Но вот в 1995 году, в № 32 еженедельника «Аргументы и факты» внучка-академик признается: «Это была тенденция объявить Сталина сумасшедшим, в том числе с использованием якобы высказывания моего дедушки, но никакого высказывания не было... На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что так и было...»

Вдумайся, уважаемый читатель, в это признание!

И ведь даже после него ходила Наталья Бехтерева по земле недрогнувшими ногами – вместо того чтобы публично, под взорами телекамер, на коленках проползти за Мавзолеем Ленина и на коленках же публично покаяться перед могилой Сталина.

Увы, даже самый раскаявшийся негодяй не сможет сделать этого перед могилой Лаврентия Берии. Ее просто нет.

Но есть документы – хотя ко многим из них надо подходить критически. Есть мемуары, исторические труды и прочее... Не пользоваться теми же, скажем, книгами Феликса Чуева о его беседах с Молотовым и Кагановичем нельзя – это источник, так сказать, нормативный. Однако нестыковок и «ляпов» там хватает, начиная с чисто фактических и заканчивая логическими.

И я старался или проверить все перекрестно, или исходить из принципа: тому, что человек рассказывает о его непосредственных, личных контактах с Берией, верить, скорее всего, можно – после анализа как фактической, так и психологической стороны дела. А если кто-то что-то пересказывает (как, например, генерал НКВД Судоплатов – рассказы секретарей Берии, услышанные им от них уже в тюрьме во время совместной «отсидки»), то верить этому, скорее всего, не стоит. Очень уж это скользкая вещь для исторического исследователя – «испорченные телефоны» мемуаров. Так что на многие «свидетельства» лучше не полагаться.

И дело не в соблазне отбросить неудобную для тебя информацию, а в огромных масштабах хрущевско-горбачевско-ельцинского очернения и эпохи Сталина, и ее ведущих положительных фигур, включая Берию.

Но достоверные документы о Берии все же имеются, прежде всего – та их совокупность, которая содержится в упомянутых выше рассекреченных «атомных» архивах. Эти бесспорные документы – хорошая путеводная нить для объективного исследователя.

Причем их достоверность гарантируется не только высоким статусом публикации, но и профессиональными и личными качествами двух ведущих фигур этой работы, проводимой в главном ядерном оружейном центре России в «Арзамас-16» – РФЯЦ-ВНИИЭФ.

Я имею в виду старейшего физика-оружейника Германа Арсеньевича Гончарова, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, и полковника Павла Петровича Максименко, бывшего многолетнего руководителя представительства МО СССР во ВНИИЭФ.

Как-то в разговоре я сообщил Павлу Петровичу Максименко о том, что, приступив к освоению материала, был ошарашен тем, как резко и положительно стала меняться для меня фигура Берии.

И услышал в ответ:

– Когда я несколько лет назад начал работать с архивными документами, то был по отношению к Берии, конечно же, предубежден. Но по мере работы мое впечатление от него изменилось на прямо противоположное.

– Как о человеке? – уточнил я.

– Да, в том числе и как о человеке...

ЕСТЬ и еще одна нить – простая логика нашей современной жизни. Общественная атмосфера сегодня несправедлива и лжива. Значит, если ее творцы говорят о чем-то или о ком-то плохо, то в действительности все обстоит, скорее всего, наоборот.

Если о Берии говорят, что он был интриганом, то логично предположить, что на деле он был весьма благороден.

Если утверждают, что он был карьеристом, то логично предположить, что в действительности он не искал высоких постов, а они сами находили его, этих постов достойного.

Если утверждают, что он был сластолюбив, то не будет очень уж неверным думать, что он был скорее аскетом и, уж во всяком случае, достаточно сдержанным в личных потребностях человеком.

А оно ведь, уважаемый читатель, так, в общем-то, и было. И я постараюсь это доказать!

Работая над книгой, мне пришлось разгрести немало грязи, скопившейся на уже пожелтевших газетных и журнальных страницах «перестроечной» поры, на страницах «монографий» и «мемуаров». Однако в ходе работы меня ожидали и приятные неожиданности, когда я находил вполне положительные для Берии сведения даже там, где, казалось бы, никак не мог их обнаружить.

И по мере написания книги я все лучше начинал понимать – почему из Берии сделали монстра. Надеюсь, по мере прочтения книги это понимание будет приходить и к читателю.

А пока что я приглашаю его перенестись вместе с автором на более чем полвека назад, в мартовскую Москву, прощающуюся со Сталиным.

Глава 2

Передвижки на трибуне Мавзолея

10 марта 1953 года они стояли на трибуне Мавзолея...

Лаврентий Берия, Николай Булганин, Климентий Ворошилов, Лазарь Каганович, Георгий Маленков, Анастас Микоян, Вячеслав Молотов, Вячеслав Малышев, Михаил Первухин, Максим Сабуров, Никита Хрущев...

Страна хоронила Сталина. Плакали люди, в пути останавливались поезда, гудели заводские гудки, гремели прощальные артиллерийские салюты.

И теперь Державу олицетворяли они, стоящие сейчас на трибуне Мавзолея Ленина, отныне становящегося Мавзолеем Ленина – Сталина.

И они же теперь Державу возглавляли.

Коллективно.

Но и среди равных кто-то становится первым.

Председателем комиссии по организации похорон был Хрущев.

Членами – член Президиума ЦК Л.М. Каганович, Председатель Верховного Совета СССР Н.М. Шверник, военный министр маршал А.М. Василевский, секретарь ЦК Н.М. Пегов, командующий Московским военным округом генерал-полковник П.А. Артемьев, председатель Мосгорисполкома М.А. Яснов.

На лидерство никто из членов комиссии не претендовал и близко, даром что формально первым лицом государства был Шверник. Но он и при Сталине был формально первым.

Другое дело – Георгий Маленков. Он не входил в комиссию, но, тем не менее, не только претендовал на первую роль, но и во многом ее обрел, став вместо Сталина Председателем Совета Министров СССР.

Однако заседания Президиума ЦК КПСС вел Хрущев. И это тоже что-то да значило.

Заместитель Председателя Совета Министров СССР Л.П. Берия, до смерти Сталина возглавлявший также Специальный Комитет при Совмине по атомным и ракетным делам, после смерти Сталина стал уже первым заместителем Председателя Совета

Министров и был назначен министром внутренних дел – с объединением вновь МГБ и МВД в единое МВД.

Но этим его круг обязанностей и интересов не ограничивался. Он был активен всесторонне. И это ему, надо сказать, было не внове – он работал «многостаночником» всю свою жизнь.

И везде – результативно!

Да, самым всесторонне компетентным, энергичным и подходящим на роль не только формального, но и неформального лидера страны был он – Лаврентий Берия.

Пока не утруждая себя пространными доказательствами сказанного, я приведу данные со страницы 407 сборника документов Международного фонда «Демократия» (Фонд ныне покойного Александра Н. Яковлева) «Лаврентий Берия. 1953».

Ни в этом Фонде, ни в выступивших соиздателями сборника Гугеровском институте войны, революции и мира и Стэнфордском университете коммуниста Берия на щит никто поднимать не собирался. Но справочные данные, приведенные о Берии в упомянутом выше сборнике и касающиеся его деятельности в период лишь с 1941 по 1945 год, когда Лаврентий Павлович был членом Государственного Комитета Обороны, впечатляют.

ГКО – высший чрезвычайный орган, который во время войны руководил страной, был образован 30 июня 1941 года в составе: И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (заместитель председателя), Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков.

С февраля 1942 года в ГКО вошли также Л.М. Каганович, А.И. Микоян, позднее – Н.А. Вознесенский.

И вот что сообщает сборник А.Н. Яковлева:

«Постановлением ГКО от 4 февраля 1942 года о распределении обязанностей между его членами Берии был поручен контроль за выполнением решений по производству самолетов и моторов, вопросами формирования ВВС, кроме того, в дальнейшем на Берию был возложен контроль за выполнением решений о производстве вооружения, минометов, боеприпасов, танков, а также наблюдение за работой трех наркоматов: нефтяной, угольной промышленности и путей сообщения».

Кроме этого, по решению ГКО от 13 марта 1942 года «ввиду трудного положения на железных дорогах и необходимости выхода из такого положения» была создана оперативная группа под руководством Кагановича, Берии и Маленкова, «на которую возлагалась вся ответственность за все перевозки по железным дорогам».

А еще Берия в июле 1941 года и позже много сил вложил в создание Резервного фронта, «в состав которого входило значительное количество войсковых соединений НКВД СССР».

В 1942 году Сталин посылал Берию представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Северный Кавказ.

А с 21 августа 1943 года он входил в высшую руководящую группу Комитета при Совете Народных Комиссаров СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации.

И ни одна из этих обязанностей не была формальной, парадной. В СССР Сталина синекур не раздавали.

В 1944 году Сталин назначил Берию заместителем Председателя ГКО вместо Молотова и председателем Оперативного бюро ГКО, «рассматривавшего все текущие вопросы».

Плюс все это время Берия был народным комиссаром внутренних дел СССР. Во время Тегеранской 1943 года, Крымской (Ялтинской) и Потсдамской 1945 года конференций «на него возлагалось обеспечение охраны советской делегации, а на Крымской конференции – и других делегаций».

Зная все это, можно с уверенностью сказать, что во время войны более Берии в стране был загружен и перегружен высшей ответственностью лишь один человек – сам Сталин.

Да и после войны – тоже! Ведь Берии поручали самые сложные и новые задачи – Урановую проблему, контроль над разработкой систем противовоздушной обороны (с расчетом на будущую уже противоракетную оборону).

А кроме этого, с заместителя Председателя Совнаркома (Совмина) СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Берии не снимались обязанности по курированию ряда мирных отраслей экономики.

Такой «воз» мог тянуть лишь высокопрофессиональный, разносторонний управленец с большим опытом и хорошей общей и специальной эрудицией и мгновенной деловой реакцией.

И обязательно – умеющий подобрать кадры и умело же их потом использовать.

Берия всеми этими качествами обладал и объективно был на голову выше всех остальных, стоявших мартовским днем на трибуне Мавзолея. И, безусловно, он это понимал.

Понимали это и его соседи по трибуне.

Но готовы ли были они принять лидерство Берии? Они стояли под мартовским небом и не знали – как там все сейчас повернется...

Или знали?

Пожалуй – кто-то знал.

И этим кем-то уж точно был Хрущев.

ГОД назад в центре трибуны стоял Сталин.

Он приветливо махал рукой малышке, машущей ему снизу, с плеч отца, проходящего мимо Мавзолея в первомайской колонне.

Теперь Сталина не было. И поэтому на трибуне Мавзолея были неизбежны те или иные передвижки. Да они уже и происходили. Но все же будущее стоявших на трибуне в марте 1953 года было еще смутным. И они не могли не задумываться – каким же оно будет?

Сегодня мы знаем ответ на этот вопрос. Еще 1 мая 1953 года состав высшего руководства, занимавшего праздничную трибуну, от мартовского не отличался.

Но уже 7 ноября того же года на трибуне не было Берии.

26 июня он был арестован.

На июльском (2–7 июля 1953 г.) Пленуме ЦК КПСС его исключили из партии «за предательские действия, направленные на подрыв Советского государства», и постановили предать суду «как врага партии и советского народа».

8 августа 1953 года пятая сессия Верховного Совета СССР утвердила Указ Президиума Верховного Совета СССР о «лишении Л.П. Берия полномочий депутата Верховного Совета СССР, снятии его с поста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и с поста министра внутренних дел СССР с лишением всех присвоенных ему званий и наград и о передаче дела о преступных действиях Л.П. Берия на рассмотрение Верховного Суда СССР».

Прошло четыре года, наступил 1957 год, и с трибуны ушли руководители «антипартийной группы» Молотов, Каганович, Маленков, ушли и поддержавшие их Первухин и Сабуров.

Открестившись от неисправимых «сталинистов», не удержались, тем не менее, на трибуне Булганин и Ворошилов. А через семь лет с нее бесславно ушел и сам Никита Хрущев.

Дольше всех на ней оставался Микоян – до марта 1966 года.

Одни уходили с трибуны Мавзолея, другие на нее приходили. Менялась номенклатурная конъюнктура, менялись политические симпатии тех, кто занимал центр трибуны. Рабочему Луганску, названному в 1935 году Ворошиловградом, в 1958 году вернули старое имя, чтобы в 1970 году вновь переименовать его в Ворошиловград, с течением лет ставший опять Луганском. Нечто подобное происходило с древним Рыбинском, переименовывавшимся четырежды: Рыбинск – в Щербаков, Щербаков – в Рыбинск, Рыбинск – в Андропов и, наконец, опять в Рыбинск.

Но имя ушедшего с трибуны образца марта 1953 года Лаврентия Берии никто никогда в жизнь страны не возвращал.

Только с началом «перестройки» оно обрело громкую известность, однако лишь для того, чтобы стать в глазах «прогрессивных» и «политически продвинутых» слоев общества «омерзительным олицетворением кровавой тирании и тотального тоталитаризма».

А ЧТО, если бы Лаврентий Берия не только не ушел с главной трибуны Державы, но и прочно занял бы ее центр? И занял бы ее на долгие годы. Он ведь был неплохим спортсменом-любителем, не курил, не увлекался ни спиртным, ни, вопреки сплетням, женщинами... Так что мог бы жить долго.

Скажем, лет до семидесяти семи.

То есть мог бы скончаться в том самом 1976 году, когда будущему четырежды Герою Советского Союза Леониду Брежневу по случаю его семидесятилетия подарили вторую Геройскую звезду в комплекте со звездой Маршала Советского Союза.

Но Берия был арестован, изолирован и расстрелян. Относительно того, как и когда это произошло, есть несколько версий, но я не буду сейчас на них останавливаться, а познакомлю читателя с одним из тех писем, которые Берия написал уже после ареста.

Вообще-то писем к своим бывшим товарищам по руководству он написал три. И авторство их оспаривается, например, – Ю. Мухиным, Е. Прудниковой, а также – косвенно, Серго

Берией, утверждавшим, что его отца расстреляли-де при аресте в особняке, где жил с семьей и Серго. Но я не сомневаюсь в том, что «письма из бункера» подлинны! Почему я в этом уверен, скажу в свое время, а сейчас просто возьму в руки яковлевско-гуверовско-стэнфордский сборник документов 1953 года по Берии и открою его на странице 74, где начинается второе письмо Лаврентия Павловича в ЦК КПСС, Маленкову.

Глава 3

Письмо из камеры

Датированное 1 июля 1953 года, это письмо занимает в книге пять с половиной листов типографского формата 70x100Vi8- Поэтому приводить его полностью я не буду, однако нашего серьезного внимания оно заслуживает. С одной стороны, письмо стало своего рода подведением итогов всей политической и государственной работы Берии, а с другой стороны, оказалось чем-то вроде его политического завещания.

В тексте хватает ошибок, порой «хромает» стиль, но одним лишь публикаторам известно, где ошибки принадлежат Берии, а где – тем, кто рукопись переводил в типографский текст. Одну ведь и ту же букву можно прочесть по-разному. К тому же автор письма, несомненно, волновался, что на стиле письма не могло не сказаться – Берия был все же не литератором.

Те или иные части письма я буду сразу же комментировать, причем с таким расчетом, чтобы эти комментарии постепенно знакомили читателя с некоторыми обстоятельствами той давней и не очень-то по сей день известной нам эпохи.

Начинается письмо так:

«Товарищу МАЛЕНКОВУ

Дорогой Георгий!

В течение этих четырех тяжелых суток для меня, я основательно продумал все, что имело место с моей стороны за последние месяцы после пленума ЦК КПСС, к[а]к на работе, так и в отношении лично тебя и – некоторых товарищей президиума ЦК и подверг свои действия самой суровой критике, крепко осуждая себя. Особенно тяжело и непростительно мое поведение в отношении тебя, где я виноват на все сто процентов. В числе других товарищей я тоже крепко и энергично взялся за работу с единственной мыслью сделать все, что возможно и не провалиться всем нам без товарища Сталина и поддерж[ать] делами новое руководство Ц.К и Правительства...»

Здесь не видно стремления разжалобить и оправдаться. Условия написания письма для его автора были не то что некомфортными, а попросту дикими. Однако не заметно, чтобы он был психологически смят. Но и до спокойствия здесь далеко, и Берия анализирует – в чем же он провинился перед товарищами так, что его вдруг арестовывают.

А вот дальше идет нечто интересное:

«В соответствии с имеющимися указаниями Ц.К. и Правительства, укрепляя руководство МВД и его местных органов, МВД внесло в ЦК и Правительство по твоему совету и по некоторым вопросам по совету т. Хрущева Н.С. ряд заслуживающих политических предложений, к[а]к то:...»

Ну-ну, что же это такое заслуживающее советовали новому министру внутренних дел новый предсовмина Маленков и секретарь ЦК Хрущев?

А вот что:

«...как то: по реабилитации врачей, реабилитации арестованных по т. называемому менгрельско[му] национальному центру в Грузии и возвращение неправильно сосланных из Грузии, Об амнистии, о ликвидации паспортного режима, по исправлении искривлении линии партии, допущенной в национальной политике и в карательных мероприятиях в Литовской ССР, Западной Украине и западной Белоруссии, но совершенно справедлива твоя критика, критика

т-ща Хрущева Н.С. и критика других товарищей на Президиуме ЦК; с последним моим участием...»

Из этих строк следует, что инициатива, например, «реабилитаций» по «делу врачей» исходила, вопреки устоявшемуся мнению, не от Берии, а от Хрущева и Маленкова. Ведь не стал бы

Берия выдумывать несуществующие инициативы коллег в письме к этим самым коллегам!

Правда, часть инициатив принадлежала на самом деле непосредственно новому министру внутренних дел, но это были как раз те инициативы, которые после расстрела Берии были полностью или частично свернуты как «ошибочные». И, скажем, о национальной политике в видении самого Берии у нас еще будет повод поговорить.

А вот на «деле врачей» я остановлюсь сразу, напомнив, что началось оно в 1952 году с письма Лидии Федосеевны Тимашук в ЦК, написанного и переданного в МГБ еще в 1948 году.

В 1952 ГОДУ Лидии Тимашук было пятьдесят четыре года, и она с 1926 года, после окончания медицинского института, работала в Лечебно-санитарном управлении Кремля, а с 1948 года заведовала кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы. Уйдя на пенсию в 1964 году с должности заведующей отделением, Тимашук скончалась в 1983 году, восьмидесяти пяти лет от роду. «Демократы» презрительно пишут о ней нередко как о «медсестре Тимашук», но это, как видим, ложь.

В 1948 же году, снимая кардиограмму Андрею Андреевичу Жданову, она, опытный практический врач, поставила диагноз «инфаркт миокарда в области левого желудочка и межжелудочковой перегородки». Но кремлевские профессора В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко и П.И. Егоров, лечащий врач Г.И. Майоров и врач-диагност С.Е. Карпай заявили, что ничего серьезного не произошло.

Жданова, впрочем, и до этого «лечили» так, что «лечение» само по себе было преступлением. Если не государственным, то уж врачебным – точно! Так, Майоров передоверил уход за больным медсестре, а сам часами ловил рыбу – дело происходило на Валдае в санатории «Долгие броды».

Не привлекательнее выглядел и главный терапевт Кремлевки профессор Виноградов. Слово «терапия» вообще-то происходит от греческого «therapeia» – «забота, уход». Но этот ренегат гиппократовой клятвы вместо организации повседневной заботы о здоровье руководства страны сосредоточился на другом. Он «одновременно заведовал кафедрой в 1-м Московском медицинском институте, был главным редактором журнала «Терапевтический архив», заведующим электрографическим отделением Института терапии АМН СССР и занимал ряд других должностей». Я пользуюсь здесь сведениями из книги Г.Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», изданной в 2001 году на средства Еврейского Конгресса.

Такие вот любители зашибать доходы где только можно и определяли облик Лечебно-санитарного управления Кремля! Сам Костырченко пишет:

«В знаменитой «Кремлевке», как и повсюду (н-да. – С.К.), наличествовала созданная «органами» атмосфера всеобщей слежки и доносительства, витал мертвый дух чиновной иерархичности, корпоративности, круговой поруки».

«Созданная «органами» атмосфера всеобщей слежки и доносительства» – это на совети (если она у него есть) Костырченко... На таком, скажем, сверхрежимном «объекте», как атомное КБ-11 в Сарове, ничего подобного не было – там царила атмосфера деловой сосредоточенности, хотя разгильдяйство, конечно, не поощрялось.

А вот насчет «круговой поруки» – это уже интересно! В словаре Морица Ильича Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» в статье 702 «Круговая порука» приведена уместная здесь цитата из «Дневника провинциала в Петербурге» Салтыкова-Щедрина:

«Какимъ образомъ создалась эта *круговая* порука снисходительности – я объяснить не берусь, но что порука эта была некогда очень крепка – это подтвердить каждый провинциаль».

Г. Костырченко – не провинциал, но вот же – тоже подтверждает, что порука профессоров-прохиндеев в Кремлевке была крепка, и в итоге Тимашук заставили переписать заключение в соответствии с профессорским диагнозом: «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни».

Начальник Лечсанупра Кремля профессор Егоров 28 августа 1948 года записал в истории болезни: *«Рекомендовано... увеличить движение, с 1 сентября разрешить поездки на машине, 9 сентября решить вопрос о поездке в Москву»*.

Но Жданова увезли в Москву раньше, потому что 31 августа он умер.

Врачебная ошибка – вещь страшная, но возможная для любого врача... Однако в данном-то случае все было вполне прозрачным – инфаркт кардиограмма показывала уверенно! Да и как можно было барски пренебречь заключением опытного профессионала Тимашук, которая не занимала, как Виноградов и иже с ним, вереницы прибыльных должностей, зато всю жизнь занималась своим прямым делом – лечила людей?!

Тимашук обратилась с письмом к начальнику Главного управления охраны МТБ Владики. И 6 сентября 1948 года профессор Егоров собрал в своем кабинете совещание, где заклеил Лидию Федосеевну как невежественного врача и «чуждого, опасного» человека.

Для всей этой «теплой» компании Тимашук действительно была опасна, как опасен для негодяев любой честный человек. И Егорова поддерживали Виноградов, Майоров, патологоанатом Кремлевской больницы Федоров, профессор Василенко.

Виноградов тогда еще пользовался полным доверием Сталина (он «лечил» и его, и других членов Политбюро, сопровождал Сталина в 1943 году в Тегеран), и письмо Тимашук тогда удалось замять. Виноградов заявил министру здравоохранения СССР Е.И. Смирнову: «Или я буду работать в Кремлевской больнице, или она».

Оставили, к сожалению, профессора, а Тимашук перевели в один из филиалов Кремлевки.

Но в Лечсанупре Кремля творились такие «художества» и «лечебные ошибки» приобретали (с учетом якобы высокой квалификации высшего персонала) такой странно массовый характер, что в 1952 году письмо Тимашук извлекли из архива, опубликовали в печати, а сама она 21 января 1953 года была награждена орденом Ленина.

К тому времени на Лубянке сидели профессора Виноградов, Егоров, Василенко, Вовси, Коган, Гринштейн, Фельдман, Темкин...

Когда 4 ноября 1952 года оперативники пришли за Виноградовым, «их поразило богатое убранство его квартиры, которую можно было спутать со средней руки музеем. Профессор происходил из провинциальной семьи (а, вот откуда навык круговой поруки! – С.К.) мелкого... служащего, но еще до революции... успел стать довольно состоятельным человеком, держал собственных призовых лошадей на ипподроме, коллекционировал живопись, антиквариат. Стены жилища лейб-медика украшали картины И.Е. Репина, И.И. Шишкина, К.П. Брюллова и других первоклассных русских мастеров. При обыске были обнаружены, кроме того, золотые монеты, бриллианты, другие драгоценности, даже солидная сумма в американской валюте».

Это я все, уважаемый читатель, книгу Костырченко цитировал (стр. 645), так что сведения точные, оплаченные Еврейским Конгрессом, и антисемитизмом здесь пахнуть не может. Но от себя замечу: жаль, что этого профессорствующего буржуя (по оценке Костырченко – «интеллигента старого закала») недорезали в 17-м...

Смотришь, и Жданов был бы жив!

Да и не один он!

Костырченко, к слову, утверждает, что «дело врачей» началось раньше того времени, когда был дан ход письму Тимашук. Но это всего лишь попытка подмены причин и следствия. Подлинной причиной «дела врачей» была их преступная, как минимум, халатность.

А может – и более чем халатность! Черт их знает, этих кремлевских «эскулапов»... Забегая вперед, напомним, что их всех потом «реабилитировали», под шумок забыв о том, что уж Виноградов-то был виновен в ряде вполне вульгарных, уголовно наказуемых деяний, тайно храня золото, драгоценности, валюту.

Да и задуматься бы не мешало – зачем профессору Виноградову все эти «камешки» и доллары? Не прятал ли он их до лучших времен, надеясь на такие перемены в СССР, которые стали возможными лишь после 1991 года? И не пытался ли он и впрямь такие перемены приблизить?

Но до таких ли «мелочей» было тогда в Кремле – после триумфа победителей «изверга» Берии, сидящего в подземном бункере штаба Московского военного округа!

ВЕРНЕМСЯ, однако, в этот бункер и на правах исследователей вчитаемся через спину Лаврентия Павловича в продолжение его письма в ЦК...

«...совершенно справедлива... критика... на Президиуме ЦК; с последним моим участием на мое неправильное желание вместе с решениями ЦК разослать и докладные записки МВД. Конечно, тем самым в известной мере принизили [значение] самых решений Ц.К... Хочу прямо сказать, что с моей стороны настаивая на рассылку докладных записок было глупостью и политическим недомыслием, тем более ты мне советовал этого неследует делать. Поведение мое на заседании Президиум[а]ЦК, и Президиума Совмина, очень часто было неправильное и недопустимое вносившее нервность и излишнюю резкость я бы сказал, к[а]к это сейчас хорошо продумал и понят, иногда доходило до недопустимой грубости и наглости с моей стороны в отношении товарищей Хрущев [а] Н.С. и Булганина Н.А. при обсуждении По Германскому вопросу, конечно я здес[ь] безусловно виноват и заслуживаю всякого осуждения...»

Здесь, пожалуй, надо кое-что пояснить... Сегодня нам крайне трудно представить себе, что это такое – партийная чистка. В воображении встает нечто карательное, но ведь когда мы говорим, что надо отдать костюм в химчистку, то не имеем в виду ничего плохого, а просто сообщаем о том, что хотелось бы иметь чистый, а точнее – *вычищенный*, костюм.

Так вот, партийные чистки имели своей целью не некое избиение и унижение членов партии, а, с одной стороны, очищение партии от «примазавшихся», а с другой – очищение и самоочищение вполне надежных членов партии.

Когда христианин идет на исповедь, он ведь идет не только за отпущением грехов. Он идет и для того, чтобы очистить себя, признавшись кому-то вне себя – священнику, в тех или иных прегрешениях. Верующий признается в них тайно, и то становится чище. А большевики в ходе чисток занимались самокритикой публично, перед товарищами по партии, и это было – надо ясно отдавать себе в том отчет – действительно мощным средством самовоспитания и самосовершенствования.

Ведь еще Чехов рекомендовал выдавливать из себя раба каждый день – по капле. А в крепком партийном коллективе в ходе чисток люди не то что по капле дрянь из себя выжимали, а целыми ручьями!

Со временем этот образ поведения становился для старых партийцев автоматическим – если они попадали в ситуацию острой критики со стороны. Они не обижались – как это принято сейчас, на критикующих не озлоблялись, а начинали думать – в чем же я дал промашку? Если, конечно, они были большевиками, партияцами, а не «членами партии».

Но Берия-то и был партийцем! То есть человеком, который живет порученным ему делом, а не прикидывает – как бы из этого дела выжать побольше личной выгоды. И его письмо имело в какой-то мере смысл персональной чистки – благо ситуация тому способствовала. Он и дальше в письме время от времени не самобичеванием занимается и не унижается перед руководством ЦК, а искренне, как тогда говорилось, признает ошибки.

Искренне... Хотя современному человеку это может показаться малодушием и показным раскаянием.

Но это было не малодушие!

Что же до «германского» вопроса, а также упоминаемых далее вопросов «корейского», «турецкого», «иранского», «ответов Эйзенхауэру и Черчиллю», «поступка при приеме венгерских товарищей», то о некоторых из этих «вопросов» мы поговорим значительно позднее, а сейчас я лишь замечу, что внешнеполитические концепции Берии были интересны и реалистичны.

Продолжим чтение...

«Предложения о Надь Имре, должен был не я или, кто иной вносить, а тебе надо было сделать, а тут я выскочил идиотски, кроме того, наряду с правильными замечаниями я допустил вольность и развязность, за что конечно меня следует крепко вздреть».

Сказано энергично, и за этими словами вполне чувствуется характер – не всегда сдержанный, но весьма искренний.

Искренний, уважаемый читатель!

И такими же искренними видятся мне следующие строки...

«...Но должен сказать со всей честностью сам тщательно готовился и заставлял своих помощников готовиться к заседаниям Ц.К. и правительства, чтобы в меру своих сил и способностей помочь в правильном решении обсуждаемых вопросов. Если же вносились мной инициативные вопросы, то несколько раз пересматривал вместе с товарищами работающими со мной, чтобы не ошибиться и не подвести Ц.К. и Правительство. У меня остался в Совмине, я не успел представить тебе докладную записку и проект решения об упорядочении наградных дел, над этим я провозился около двух месяцев (речь об идее учреждения новых орденов СССР. – С.К.)... В отношениях с товарищами с которым[и] я работаю, всегда старался быть принципиальным, партийным, требовательным, чтобы порученное им дело выполнялось, к[а]к это требуется в интересах нашей партии и нашего Правительства. Никаких других отношений с указанными товарищами у меня никогда не было. Взять хотя бы руководящих работников в МВД. Т-щей Круглова, Кобулова, Серова, Масленникова, Федотова, Стаханова, Питовранова, Короткова, Сазыкина, Горлинского, Гоглидзе, Рясного, Судоплатова, Савченко, Райхмана, Обручникова, Мешика, Зырянова и многих других, кроме помощи им в работе, требований, чтобы лучше организовать борьбу с врагами Советского Государства, как внутри Страны так и вне ее у меня не было. Да и указанные товарищи работали к[а]к положено настоящим партияцам. Т-ща Серова с бригадой по оказании помощи Московской и ленинградской милиции просто загонял, чтобы сделать все возможное навести порядок в работе милиции указанных городов и сделать необходимые выводы и предложения для других Республик...»

Повторяю: иногда авторство этого письма оспаривается – мол, не мог его Берия писать, он уже к тому времени был убит, а следовательно, письмо – фальсификат.

Я уверен в обратном! Внимательный анализ содержания и стиля письма убеждает в том, что его, как и другие «письма из бункера», писал именно Лаврентий Павлович. Очень уж

плотно «набито» это письмо такими деталями и фактами, которые никакой, даже – номенклатурный, «писарь» знать не мог. Да и уровень мышления и чувствования, свойственный письмам, «писарь» иметь не способен.

Но даже без глубокого анализа одно положительное упоминание имен Серова и Стаханова показывает, что письмо писал Берия.

Николай Павлович Стаханов, генерал-чекист, возглавлял тогда Главное управление милиции МВД, потом был замминистра внутренних дел СССР, с 1955 по 1961 год – министром внутренних дел РСФСР. С чего бы это – в случае фальсификации письма – «примазывать» его к Берии?

Ну, а генерал армии (с 1955 года) Иван Серов, которому в 1953 году не исполнилось и пятидесяти, был вообще твердым «хрущевцем». И никакой «писарь»-фальсификатор не стал бы включать его и Стаханова в число тех, о ком «должен был» одобрительно отзываться Берия.

Да и то, что упомянутый в «обойме» Круглов сразу после ареста Берии был назначен министром внутренних дел, тоже косвенно свидетельствует о подлинности письма.

Нет, в начале июля 1953 года Лаврентий Павлович был жив. И это он, а не подставной «писарь», вспоминая всю свою прошлую жизнь и борьбу, писал Маленкову:

«...Все ценное в моей жизни связано [с] совместной работой с тобой. С первых же дней в 1938 г. по наведению порядка в МВД, твое участие в приемке и сдаче дел (при назначении Берии в 1938 году в НКВД СССР), укрепление кадрами МВД при твоей помощи, – большая, напряженная работа во время войны в Государственном Комитете Обороны, когда волей партии нам было поручено тебе организовать в необходимых количествах в соответствующих предприятиях министерств – выпуск самолетов и моторов, а мне – вооружения и боеприпасов или вопросы формирования для фронта. Совместная работа в Оперативном бюро Совнаркома СССР по организации народного хозяйства во время войны, когда понадобилось крепко поддерживать работу транспорта были направлены оба мы с тобой с тт. Кагановичем Л.М. и Микояном А.И. для налаживания железнодорожного транспорта, который[й] играл исключительную роль. Первые недели войны, когда нечем было прикрыть Запад[ный] фронт – который[й] немец сильно теснил наша совместная работа по созданию под руководством Госуд[арственного] К[омитета] Ставки и лично Товарища Сталина резервного фронта для защиты подступов к Москве, одних только для резервного фронта было организовано 15 полнокровных чекистских войсковых дивизий. Одновременно посылка тебя на Сталинградский[й] фронт, меня на Кавказский. Надо прямо сказать, что мы самым добросовестнейшим образом относились к успешному выполнению поручений партии, Правительства и товарища Сталина, никогда не жалели сил и энергии и не знали страха...»

Нет, «писарь» так не напишет!

ПОХОЖЕ, став вспоминать прошлое, Берия даже забыл, где и в силу чего он это все пишет! И сразу после приведенного выше текста он увлеченно и подробно касается атомных проблем и систем ПВО «Беркут» и «Комета», а потом, вспомнив, что пишет не докладную записку, возвращается к теме, напоминает Маленкову о годах совместной работы:

«Я не говорю о всевозможных поручениях, – пишет он, – которые давались нам ЦК, Правительством и лично т-щем Сталиным в с[в]язи с чем приходилось очень часто и кропотливо работать всегда мы старались быть принципиальным объективным, не было у нас других интересов, так сложилось, что мы, чуть ли не каждый день встречались в стечении десяти лет и разговор у нас всегда был только о делах, о людях, к[а]к лучше организовать ту или иную работу и к[а]к лучше выполнить имеющиеся поручения. У меня всегда была потребность с тобой посоветоваться и всегда для дела получалось лучше.... Поэтому, моя трагедия в том, что как я уже выше говорил, на протяжении свыше десяти лет были настоя-

ицами большевистскими друзьями, работали с душой на самых различных сложных условиях работы были в сложных переплетах и никто не расстроил нашу дружбу, столь ценную и необходимую для меня а теперь исключительно по моей вине, потерял все что связывало нас...

А дальше Лаврентий Павлович пишет: «Хочу сказать несколько слов в отношении товарищей...» и обращается к остальным членам Президиума ЦК.

К Молотову:

«...Вячеслав Михайлович! У меня всегда было прекрасное ровное отношение к Вам работая в Закавказье мы все высоко ценили считали Вас верным учеником Ленина и верным соратником Сталина, вторым лицом после товарища Сталина... Вы прекрасно помните, когда в начале войны было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на близлежащей даче. Вы вопрос поставили ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедля вызвать на совещание т-ща Маленкова... После...мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его [о] немедленном организации Комитета Обороны Страны...

Я привел бы другие факты, но скажу одно, что не раз говорил, тот кто ссорит Молотова со Сталиным, то совершает чудовищное преступление перед нашей Страной... Я думаю, что это могут подтвердить т-щи Маленков Г.М. и Микоян А.И. и др. Очень часто, раньше, а еще недавно тов-щ Сталин называл сводниками Маленкова Г.М. и меня, имея в виду Вас и Микояна».

Сталин имел основания разочаровываться в некоторых старых соратниках... Однако не это суть важно сейчас, а то, каким образом Берия отметал обвинения в неких интригах! Ссылаться в письме Маленкову на свидетельство Маленкова можно было лишь тогда, когда говоришь правду.

И выходило, что правда, а не наветы, была такой, как писал о том Берия.

Была она и такой:

«Клемент Ефремович! То же начну с Закавказья, мы Вас крепко любили, я по поручению руководящих органов Грузии, ездил специально в Москву в ЦК и т. Сталину настоял прислать Вас в связи с пятнадцатилетием Советской Грузии.

В начале войны товарищ Сталин сильно обругал меня и называл политическим трусом, когда я предложил. Назначить в тяжелые времена переживаемые нашей Родиной известных все[й] стране т-щей Вас и Буденного командующими Обругать обругал, а, чуть позже, т-щ Сталин назначение провел...»

Обращаю внимание читателя на формулу «по поручению руководящих органов Грузии»... Не «я ездил», а «я по поручению руководящих органов Грузии...».

Если бы Берия имел низкую натуру, он, скорее всего, не преминул бы выпятить перед Ворошиловым личную роль в приглашении... Но Берия всегда был «человеком команды». И лишний раз подтвердил это в своем письме.

К ХРУЩЕВУ и Булганину он обратился коротко и «отписочно», сухо аттестовав обоих «прекрасными большевиками и товарищами».

Булганин был фигурой весьма серой, что же до Хрущева, то Лаврентий Павлович, похоже, уже понимал, who is он... Пяток строк, обращенных к Никите, интересны лишь сообщением о том, что Хрущев на Президиуме ЦК «крепко и гневно» ругал Берию.

Зато хотя тоже коротко, но выразительно и искренне автор письма обращался к Кагановичу и Микояну:

«...Лазарь Моисеевич и Анастас Иванович. Вы оба знаете меня давно. Анастас меня направил еще в 1920 году из Баку для нелегальной работы в Грузию, тогда еще меньшевистскую от имени Кавбюро РКП и Революционного совета, XI армии, Лазарь знает 1927 г. и не забуду никогда по[мо]щи оказанной мне по партийной работе в Закавказье, когда вы были секретарем ЦК. За время работы в Москве можно было, многое сказать. Но одно скажу всегда видел, с Вашей стороны принципиальные отношения, помощь в работе и дружбу, я со своей стороны делал все, что мог...»

Сколько инсинуаций можно прочесть о службе Берии в мусаватистской разведке. И я об этом скажу подробно... Но не достаточно ли этих вот, только что прочитанных читателем, строк, чтобы поставить на всех наветах крест? Напоминал ли бы в *такой* час Берия о 1920 годе, если бы он был нечист?

Вряд ли.

Последнее обращение было «персональным» наполовину. Лаврентий Павлович писал о Первухине и Сабурове, но – не обращаясь к ним... Однако писал он нечто настолько, на мой взгляд, интересное для понимания личности Берии, что эту часть письма я пока сообщать читателю не буду, вернувшись к ней в свое время и в своем месте.

А заканчивалось это удивительно емкое и многоплановое письмо так:

«...Все это может быть, мне не следовало в моем положении писать, но прошу Вас мне это простить. Дорогой Георгий прошу тебе понять меня, что ты лучше других знаешь меня. Я только жил, как лучше сделать, конечно в пределах своих возможностей вместе с Вами Страну Могущественней и Славной, думать иначе обо мне просто недопустимо моей голове Конечно, после того все, что произошло, меня надо призвать крепко к порядку, указать свое место и крепко одернуть, чтобы было помнить до конца своей жизни, но поймите дорогие товарищи, я верный сын нашей Родины, верный сын партии Ленина и Сталина и верный Ваш друг и товарищ. Куда хотите, на какую угодно работу, самую маленькую пошлите присмотритесь, я еще могу верных десять лет работать и буду работать всей душой и со всей энергией. Говорю от всего сердца, это неверно, что раз я занимал большой пост я не буду годен для любой маленькой работы, это ведь очень легко проверить в любом крае и области, совхозе, колхозе, стройке и умоляю Вас не лишайте меня быть активным строителем, [на] любом маленьком участке славной нашей Родины и вы убедитесь, что через 2–3 года я крепко исправлюсь и буду Вам еще полезен. Я до последнего вздоха предан нашей любимой партии и нашему Советскому Правительству.

Лаврентий Берия».

После подписи следовала приписка:

«Т-щи прошу извинения, что пишу не совсем связно и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости света и отсутствия пенснэ (очков)».

Не знаю, как кому, но меня, когда я читал это письмо в первый раз, почему-то резануло по сердцу это последнее пояснение в скобках – «(очков)». От него на меня повеяло какой-то наивной беззащитностью, каким-то наивным простодушием...

Впрочем, может, это мне лишь кажется, не знаю.

ВОТ ТАКОЕ вот письмо из бункера. По счету – второе, но первое – краткое, от 28 июня, я приведу позже. А что можно сказать об этом?

Исповедь?

В какой-то мере – да.

Но, скорее, – не исповедь (для натуры Берии это было несвойственно), а отчет о проделанной работе.

А точнее – отчет о прожитой жизни, о том, чем она была наполнена.

Да, здесь, в этом письме, по сути – вся жизнь. И вроде бы бурная, и вообще-то – однообразная. Никаких тебе Канарских и Багамских островов... И никакой Ниццы – разве что на озеро Рица выберешься... Никаких костюмов «от Версаче» и «пятизвездочных» отелей... Никаких саун в президентских апартаментах... Никаких горных лыж...

И никаких воспоминаний типа: «А помнишь, как мы крепко нарезались в Куршевеле и захоронили сразу десяток девиц...»

Да нужны ли они ему были – все эти куршевели, версачи, апартаменты и «черные пояса» с горными лыжами?!

У него вместо них было – Дело!

Державное!

Что еще надо мужчине, чтобы спокойно смотреть в глаза Эпохе и Истории?

ТОН письма был вполне достойным. Не было в нем никаких «тщетных призывов о помощи», которые усматривают в этом обращении Берии к ЦК «интеллектуалы»-либералы. Они не цитируют письмо подробно, а выхватывают из него пару фраз в целях то ли одурачивания, то ли – «одемокративания» сограждан и затем смачно клеветают на автора письма.

А ведь единственное слово, выдающее крайнее внутреннее напряжение Берии, вырвалось у него в самом конце – «умоляю»... Но в контексте оно жалким и слезливым не выглядит.

Нет, не выглядит!

Заканчивая свое второе письмо, Берия не исключал, судя по тону и содержанию письма, что его биография – личная и политическая – уже сделанным до этого не исчерпается. Он надеялся на предоставление возможности работать и дальше – где скажет ЦК.

Однако мы знаем, что вышло не так. В тот ли, в иной ли месяц 1953 года, но жизненный путь героя этой книги завершился в том же году, когда его арестовали.

А как этот путь начинался?

Глава 4

Начало биографии

Я не стремлюсь написать лишь биографию Берии – даже политическую. Скорее тему книги можно определить как эпоха через судьбу Берии и суть этой судьбы как ориентир для понимания прошлого Державы и... И – ее будущего, славного или бесславно гибельного.

Но, говоря о человеке, нельзя не сказать ничего о поре его становления, о его детстве и юности. Мы ведь и впрямь все родом из детства.

Глядя на фотографии юного и молодого Лаврентия, снятые в шестнадцать лет, в семнадцать, в тридцать один год, в тридцать три и даже позднее, с удивлением обнаруживаешь, что в них видна натура в чем-то неистребимо простодушная и наивная...

Натура с налетом одухотворенного идеализма и искренней веры в людей.

К слову, вряд ли и красавица Нино Гегечкори – сама отнюдь не холодный «вамп» – вышла бы замуж за расчетливого прагматика-себялюбца.

И еще одно приходит на ум при взгляде на эти фотографии. Если в 1930 году Берия снят без пенсне, то уже в 1934 году он его носит. Выходит, много перечитал к тридцати пяти годам этот парень – это тебе не Хрущев с его знаменитой резолюцией «Азнаковица»...

Впрочем, тяга к знанию и образованию подтверждается, конечно, не пенсне на переносице Берии, а фактами его биографии.

Он родился 17 (29) марта 1899 года в горном селении Мерхеули Сухумского уезда в Грузии. Родился, по одним источникам, в бедной, по другим – в зажиточной, крестьянской семье.

Возможно и то, и другое... С одной стороны, из очень уж бедных семей, да еще и кавказских, редко кто получал образование, а Лаврентий в восемь лет поступил в Сухумское высшее начальное училище, называемое еще и реальным.

С другой стороны, для того чтобы отдать сына в училище, родителям пришлось продать полдома. Зажиточным так поступать не было бы необходимости. И, скорее всего, семья Берии не нищенствовала, но жила скромно.

Гимназия – это учебное заведение для «чистых». А реальное училище было стандартной возможностью для способных детей бедняков «выйти в люди». Вспомним, что в реальном училище учился и Павка Корчагин, и создатель его образа, сын рабочего Николай Островский.

Отец Лаврентия, Павле, переселился в Абхазию из Мингрелии, по словам его внука Серго – из-за преследований жандармов за участие в крестьянских волнениях. Это – очень возможно. Надо сказать, что воспоминания сына Берии тем достовернее, чем они дальше от того 1953 года, который оборвал жизнь отца и исковеркал судьбу Серго, и чем они ближе к детству и самого Серго, и Лаврентия.

Мерхеули, хотя и находилось в Абхазии, было мингрельским селом, так что выбор его мятежным мингрелом был вполне понятен.

Мать Лаврентия – Марта Джакели, по словам того же Серго, была в каком-то родстве с князем Дадияни, владельцем Мингрелии, но при этом – очень бедна. За Павле она вышла вторым браком, имея от первого брака сына и дочь.

Серго Берия пишет, что дед покорила его бабушку храбростью и красотой, и вот уж это – наверняка правда. Внуки часто внешне похожи на дедов, а то, что молодой Серго был чертовски красив, доказывают не только фотографии (они нередко и лгут). Это подтверждает, например, Корней Чуковский. В его дневнике за 1953 год есть запись от 12 июля (когда отец Серго уже был арестован): *«Мне вспоминается сын Берии – красивый, точно фарфоровый, холеный, молчаливый, надменный, спокойный».*

Замечу в скобках, что «холеный» и «надменный» – это на совести Чуковского, потому что сослуживцы Серго по 3-му Главному управлению (разработка систем ПВО) отмечают как раз его скромность.

Судя по всему, семья была дружной и работающей. Отец всегда в работе, мать прекрасно шила и всю жизнь (даже когда сын занимал высокое положение) подрабатывала портняжным ремеслом.

Родители очень хотели дать сыну образование. Он это ценил и старался помочь семье как мог. Помочь же, не пренебрегая учебой, он мог, лишь зарабатывая репетиторством, и в своей автобиографии, написанной им 27 октября 1923 года, Берия сообщает, что в Сухумском училище готовил учеников младших классов. Замечу, что слабые в репетиторы не идут, да их и не нанимают. Так что сомневаться в успехах юного горца в освоении наук нам не приходится.

Серго Берия писал:

«Некоторых из учителей отца, а это были люди удивительные, учительствовавшие по призванию, я много лет спустя встречал в Грузии. Много интересного рассказали они мне о детстве отца, да и сам он всегда с теплотой отзывался о них, прекрасно понимая, чем обязан первым своим педагогам».

В шестнадцать лет Лаврентий, с отличием окончив Сухумское училище, уезжает учиться в Баку. Почему именно туда – ведь Тифлис был ближе? Этим вопросом, похоже, никто из биографов не задавался, а он интересен.

Думаю, сыграли свою роль два обстоятельства. Баку по тем временам был и крупнейшим в Закавказье промышленным центром, и центром политической жизни. В Баку было проще и получить техническое образование, и подработать, и включиться в политическую жизнь. Есть основания думать, что преобладало первое соображение – Лаврентий имел инженерную жилку и задатки ученого (впоследствии это отметит такой компетентный эксперт, как академик Капица).

С 1915 года Берия – студент Бакинского среднего механикостроительного училища. А кроме того, он – участник студенческого марксистского кружка.

В том же году к нему приезжают мать с пятилетней внучкой и глухонемая – после перенесенной болезни – сестра. Наступает пора платить по долгам жертвенности родных, и Лаврентий платит: три женщины у него на содержании. Жили они, конечно, очень бедно, мать одно время шила одежду, но потом сын стал подрабатывать почтальоном, и положение с деньгами несколько улучшилось. Мать даже перестала заниматься шитьем.

Отец жил по-прежнему в Мерхеули в маленьком домике (чтобы Лаврентий мог поехать в Баку, пришлось продать и оставшиеся полдома) и крестьянствовал. Почему вышло так, я гадать не собираюсь. Да и стоит ли?

По собственным словам Берии, его первое знакомство с марксизмом произошло в октябре 1915 года – в нелегальном марксистском кружке, организованном группой учащихся из Бакинского технического училища и других учебных заведений.

«Мотивами создания кружка, – вспоминал в 1923 году Берия, – были: организация учащихся, взаимно материальная поддержка и самообразование в марксистском духе (чтение рефератов), разбор книг, получаемых от рабочих организаций, и прочее».

В летние каникулы 1916 года Лаврентий служит в главной конторе Нобеля в Балаханах, «зарабатывая, – как сам признавался, – на пропитание себе и семье». Однако лето уже следующего года он проведет далеко от Каспия – в Одессе.

Об этом, впрочем, – чуть позже.

А сейчас, заканчивая короткий рассказ о поре становления Лаврентия Берии, спросим себя: «Каким, скорее всего, мог сформироваться его характер в тех жизненных условиях, в которых он формировался?»

Ответ на этот вопрос дать несложно. Берия родился в трудовой семье, где не могли и не хотели его баловать, но где хотели видеть его развитым человеком. А развитой человек – это образованный человек. И по отношению к сыну родители повели себя умно и самоотверженно, поступившись житейским благополучием ради его образования. И смогли привить ему чувство не иждивенчества, а благодарности за добро.

Вошли в характер Берии также экономность, бережливость, крестьянская основательность и умение себя ограничивать.

Учителя примером собственной жизни дали ему уроки служения общественному делу и помогли уяснить, что такое есть долг.

Горы тоже что-то дали Берии. Ведь он в полном смысле слова был сыном гор. А горы способны создать характер гордый, независимый, широкий и мудрый. Горец знает, что мир, окруженный горами, не тесен – как может показаться на первый взгляд. Потрудись, взойди на вершину, и тебе откроются захватывающие перспективы, ты будешь видеть далеко и видеть многое. Но все это – лишь после немалых усилий.

Вынужденная ранняя – с восьми лет – жизнь вне семьи воспитывала самостоятельность и чувство ответственности. Да и узнавать людей учила.

Репетиторство дало некий педагогический навык и умение подойти к людям. И еще в одном сомневаться не приходится – в том, что Берия формировался как энергичная, деятельная натура.

Все эти качества уже вскоре ему ой как пригодились.

Глава 5

Революция и Гражданская война

В марте 1917 года Берии исполнилось восемнадцать лет. Революции в России не исполнилось и месяца. И в Баку, как и в Петрограде, вначале установилось двоевластие: образовались Исполнительный комитет – орган нефтепромышленников и помещиков и Совет рабочих депутатов.

Свой партийный стаж Берия исчислял с марта 1917 года – тогда он с группой товарищей по учебе организовал ячейку РСДРП(б). Но, скажем, Антонов-Овсеенко-сын уверяет, что Берия вступил в партию лишь в 1919 году (в феврале). Вряд ли тут может быть одно мнение.

Ведь это была революция! О каком точном учете членства могла быть тогда речь! Человечек объединял вокруг себя еще нескольких, и они говорили себе и другим: «Мы – большевики». У них не было членских билетов, но существенным было то, что они действовали как большевики.

А уж формально членство могло быть оформлено и позднее. Между прочим, в «Именном комментарии» к переписке Сталина и Кагановича, изданном в 2001 году издательством «РОССПЭН» и Российским государственным архивом социально-политической истории, ясно сказано: «Берия Л.П. (1899–1953), член партии с 1917 г.».

Так или иначе, в июне 1917 года Берия добровольно поступает техником-практикантом в гидротехническую организацию армии Румынского фронта и выезжает в Одессу, а потом в Румынию, где начинает работать в лесном отряде села Негуляшты.

В 1953 году, после ареста, ему это вменяют в вину – мол, большевиком считал себя с марта 17-го, а без разрешения парторганизации уехал невесть куда. С учетом того, когда это было и кем тогда был Лаврентий, упрек выглядит глупо.

Шло первое лето революции, но сама революция пока шла ни шатко ни валко. Берии – всего восемнадцать, он – не партийный лидер, не опытный революционер. И хотя он хочет строить новую жизнь, он хочет ее именно *строить*! Он мечтает об архитектуре, он неплохо рисует, даже пишет акварелью, маслом. Забегая вперед, скажу, что он, как только к тому появлялась возможность, рвался продолжать учебу, чтобы стать инженером, строителем, архитектором. К чисто политической работе он не стремился – его в нее втягивала эпоха, жесткая политическая ситуация.

И вот молодому парню, которому надо и себя кормить, и мать с сестрой и племянницей, подворачивается заманчивое во всех отношениях предложение: увидеть новые края, получить техническую практику и – чего уж там отрицать – финансовые дела поправить, семье помочь...

А партия? А революция? Так он ведь от них не отшатывается. Какая разница, где работать на новую жизнь – на Каспийском ли море, на Черном?.. Главное – работать!

И о какой жесткой партийной дисциплине могла идти речь у молодых и политически зеленых энтузиастов? Ведь начиналось всего лишь лето 1917 года! Еще не то что Гражданской войны не предвиделось, но и пролетарская революция была под вопросом.

Короче – Лаврентий поехал на Черное море и в Румынию и пробыл там до января 1918 года. А потом вернулся в Баку.

Психологически и исторически все объяснимо. В дальних краях он в стороне от уже набирающего большие обороты революционного процесса не стоял, был – как сам писал – «выборным от рабочих и солдат... делегатом от отряда», часто бывал «на районных съездах представителей районов» в Пашукани (Румыния).

Осень дала России Октябрь, ситуация обострялась, становилось ясно, что по-доброму старая жизнь не уйдет. И бороться за новую жизнь хотелось в родных местах. Да и продолжить

учебу, конечно, хотелось. Это видно из собственного признания Берии: *«По приезде в Баку продолжаю усиленным темпом учебу в училище, быстро наверстывая упущенное»*.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ борьба на Кавказе и в Закавказье обещала быть особенно непростой. Местные националисты и сепаратисты уже с конца XIX века оформились здесь в отдельные политические партии. Но действовали и партии, общие для всей Российской империи.

Особенно были сильны меньшевики Грузии. Вот занятные цифры. Из 8 депутатов рабочей курии от Грузии в первой Государственной Думе было 5 меньшевиков. Во второй Думе все депутаты от Грузии были меньшевиками. В третьей – 3 депутата, из них 2 меньшевика.

В четвертой, последнего созыва, царской Думе Грузию представляли 2 меньшевика и один социалист-федералист.

Ной Жордания – председатель Тифлисского Совета рабочих депутатов в феврале 1917 года, а в 1918–1921 годах премьер-министр Грузии – меньшевик. И Николай Чхеидзе – депутат 3-й и 4-й Думы, а в 1917 году Председатель Петроградского Совета и ВЦИК, – тоже. Меньшевиком был и член исполкома Петросовета и член ВЦИК, а позднее – министр почт и телеграфов, а затем – министр внутренних дел Временного правительства Ираклий Церетели.

Вот как сильны были грузинские меньшевики даже в масштабах России!

И это – не считая чистой воды националистов, которые не имели депутатов в царской Думе, но определенным влиянием в грузинских массах пользовались.

Социалистическая революция 7 ноября 1917 года в Петрограде не привела к установлению Советской власти в Тифлисе. Там в конце ноября был ликвидирован все более «краснеющий» Тифлисский Совет и образовалось меньшевистское правительство. И оно продержалось до 1921 года.

Таков был послеоктябрьский политический расклад в Грузии.

В Армении в 1890 году образовалась националистическая партия «Дашнакцутюн» (по-армянски – союз). Дашнаки имели тайные связи с политиками Франции, Англии, США и с турками – в расчете на создание «Великой Армении». Были, впрочем, и более скромные планы: автономия Западной Армении в составе Турции («реалистичность» таких замыслов показал 1915 год, когда младотурки вырезали в турецкой Армении более миллиона армян).

Дашнаки широко применяли террор, не пренебрегая и методами резни (при скрытом одобрении царского Петербурга, склонного властвовать на национальных окраинах, разделяя).

После распада Российской империи в Армении к власти пришли не большевики, а дашнаки. Пришли, безусловно, при внешней помощи. Но уже в марте 1920 года Микоян писал Кирову в Астрахань: **«В Армении работа наладилась, наши силы растут»**.

В апреле 1920 года советские войска заняли Баку. А в августе дашнакское правительство Армении объявило войну кемалистской Турции, и вскоре турецкие войска уже угрожали Эривани. Все меморандумы дашнаков к Лиге Наций, европейской и (как же без нее!) американской «демократиям» результат имели ожидаемый, то есть – нулевой.

9 ноября 1920 года в Баку приехал Сталин и поставил прямую задачу освобождения Армении. В интервью «Правде» в конце ноября он сказал:

«Дашнакская Армения пала, несомненно, жертвой провокации Антанты, натравившей ее на Турцию и потом позорно покинувшей ее на растерзание турок. Едва ли можно сомневаться в том, что у Армении не осталось никаких возможностей спасения, кроме одной: союза с Советской Россией. Это обстоятельство, нет сомнения, послужит уроком для всех народов, буржуазные правительства которых не перестают низкопоклонничать перед Антантой».

29 ноября 1920 года в Армении была установлена Советская власть. Но, как оказалось, еще не окончательно. 2 декабря

1920 года дашнакское правительство буржуазной Армении подписало Александропольский «мирный договор», по которому Армения объявлялась турецким протекторатом. Следующей, к слову, могла быть Грузия.

Рассчитывая на поддержку Турции, дашнаки в феврале 1921 года подняли мятеж и захватили Эривань с прилегающими к ней районами. Обстановка на Кавказе сразу осложнилась. И 16 марта

1921 года РСФСР пришлось заключить с Турцией договор, по которому районы Карса, Ардагана и Артвина отходили к туркам. Вне границ Армении оказалась и священная гора армян – Арарат. Расположенная на расстоянии примерно в шестьдесят километров от Еревана, она по-прежнему возвышается над армянской столицей, но уже на турецкой территории. «Демократы» ставят сей факт в счет Ленину, однако утраченный армянами Арарат – это цена последней авантюры дашнаков.

В июле 1921 года с ними было покончено: их выбили из последней базы – Зангезура, и в Армению, наконец, пришел мир. Хотя до покоя было еще далеко.

Несколько ранее прекратила свое существование меньшевистская Грузия. 25 февраля 1921 года Красная Армия вступила в Тифлис.

В Азербайджане националистический тон задавала партия «Мусават» («Равенство»). Она образовалась в 1912 году и имела программой панисламизм и пантюркизм. После Февральской революции мусаватисты объединились с Федералистской партией азербайджанских беков.

В ноябре 17-го образовался Бакинский Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов и его возглавил Степан Шаумян. Возвратившийся Берия начинает с января 1918 года работать в его секретариате.

В сборнике «Политиздата» 1991 года «Берия: конец карьеры» (анализируя этот «документальный» пасквиль, можно написать отдельную книгу) на странице 335 «многозначительно» сообщается:

«Из уст в уста, где тайно, а где явно передавали, к примеру, рассказ о том, что Берия в 1918 году являлся командиром взвода охраны Бакинской коммуны, и все диву давались, как ему удалось спастись, а тем более избежать ареста, в то время как те, кого он при Советской власти охранял, были и арестованы, и расстреляны».

Тут непонятно все (или напротив – очень даже все понятно)... Во-первых, почему «из уст в уста» и «тайно»?

Не такой уж великой властью обладал Берия в начале 20-х (и не очень к ней рвался, чему есть весомое документальное, не отрицаемое никем доказательство в автобиографии 1923 года, о чем я еще скажу), чтобы «стирать в лагерную пыль» тех, кто этот «рассказ», то есть – сплетню, «передавал», вместо того чтобы поставить вопрос в партийном порядке (что было обычной в таких случаях практикой).

Во-вторых, с чего бы это Берию, военного опыта не имевшего, назначили командиром взвода охраны Бакинской коммуны? Он был по понятиям того времени уже образованным человеком, и использовать его было целесообразно с учетом «грамотности». Что, вообще-то, и было сделано – Лаврентий работал в секретариате Совета.

В-третьих, Берия что – двадцать седьмым бакинским комиссаром был? Даже если бы он их охранял, скрыться ему было принципиально проще, чем тем, кого он при Советской власти «охранял». Тем более что он их и не охранял, ибо...

Ибо, в-четвертых, скрывать от партии факт нахождения на такой видной (в смысле – публичной) должности было бы для Берии бессмысленно. А вот щегольнуть им можно было. Однако в подробной автобиографии 1923 года (это, вообще-то, для анализа ценнейший доку-

мент!) он об этом не упоминает. И не упоминает, конечно, потому, что никаким начальником взвода охраны он никогда не был!

Напротив, он сам внятно сообщал в 1923 году, что оставался сотрудником Бакинского Совета до сентября 1918 года, а события октября этого года застали его «в ликвидации комиссии советслужащих», а не во взводе охраны.

Подобные «разоблачения» Берии в «обличительной» литературе о нем имеются в изобилии. И почти все они опровергаются даже без привлечения документов – простым логическим анализом.

Вернемся, впрочем, в Баку 1918 года.

В КОНЦЕ марта мусаватисты подняли в Баку антисоветский мятеж. Его быстро подавили, и 25 апреля был создан Бакинский Совет народных комиссаров, куда вошли Шаумян, Азизбеков, Джапаридзе, Фиолетов... Однако в июне 18-го мусаватисты образовали свое правительство с центром в Елизаветполе (впоследствии – Кировабад) и начали заигрывать как с турками и немцами, так и с англичанами (ведь еще шла Первая мировая война).

Начался период интервенций, и 31 июля 1918 года Советская власть в Баку пала, а 1 августа была сформирована «диктатура Центрокаспия», куда входили мусаватисты, эсеры, меньшевики, дашнаки...

4 августа Баку оккупировали англичане под предлогом военной помощи против турок. То есть «националистический» «Мусават» привел на Кавказ турок, англичан и сотрудничал и с теми, и с теми. Как, впрочем, и эсеры.

Надо сказать, что в Баку политическая обстановка напоминала калейдоскоп. 11 сентября ввиду наступления турок английские войска ушли из города, а 15 сентября Баку заняли немцы и турки. Установился режим террора. В ночь на 20 сентября 1918 года между станциями Ахча-Куйма и Перевал эсерами (при соучастии англичан) были расстреляны 26 бакинских комиссаров во главе с Шаумяном.

В первое время турецкой оккупации Берия работал конторщиком в Белом городе на заводе «Каспийское товарищество». Но, как сам он писал в автобиографии 1923 года, «в связи с началом усиленных занятий в техническом училище и необходимостью сдать некоторые переходные экзамены» он «принужден был бросить службу».

Партийная же его работа прекратиться, конечно, уже не могла.

В конце октября 1918 года Турция вышла из войны, и вскоре Баку оккупировали уже турки. А 17 ноября город вновь заняли англичане. Боевые действия Первой мировой на Ближнем Востоке и в Месопотамии заканчивались, и у бриттов появилась возможность переключиться на Кавказ. Освободившиеся войска (в основном – сикхов) ввели из Ирана и Ирака. А «знаковой» приметой ситуации стало создание интервенционистских структур по управлению нефтепромышленностью.

В декабре 1918 года председатель одной из бакинских нефтяных компаний Герберт Эллен откровенно заявил:

«Британские вооруженные силы появились на Кавказе... Их прибытие приветствовали почти все народности, ждавшие защиты – одни от турецкого ига, другие от большевиков... Никогда еще история Британских островов не давала нам такого благоприятного случая для мирного расширения британского влияния и британской торговли, для создания второй Индии или второго Египта... Русская нефтяная промышленность... составила бы сама по себе ценное прибавление к империи...»

Стоит ли, уважаемый читатель, эту речь комментировать?

Англичане – признанные демократы, и поэтому жизнь в Баку при них установилась в чем-то похожая на жизнь в многоквартирном доме. Англичане играли роль владельца «дома».

Эсеры и мусаватисты – роль управляющего. Какие-то «квартиры» занимали при этом «официальные» власти и партии, но находилось место и для полулегального существования большевиков – трогать всерьез их боялись, ведь народ это был такой, что мог и огрызнуться.

В 1919 году Берия окончил училище, став дипломированным техником. По тем временам это было немалое образование, и Лаврентий хотел бы его продолжить. Политическая работа для него по-прежнему – необходимость момента, а быть ему хотелось архитектором.

Увы, пришлось заниматься другим.

«С февраля 1919 года по апрель 1920 г., – писал он в автобиографии, – будучи председателем ком. ячейки техников, под руководством старших товарищей выполнял отдельные партийные поручения райкома, сам занимаясь с другими ячейками в качестве инструктора...»

И вот тут мы подходим к тому моменту жизни Берии, который, по словам, например, «внутреннего хроникера ЦК КПСС» Николая Зеньковича, является в биографии Лаврентия Павловича «темной страницей». Это, конечно, служба в мусаватистской контрразведке...

Однако ничего особо темного лично я здесь не усматриваю и предлагаю читателю разобратся в этой истории совместно.

Режим жизни в Баку в 1919–1920 годах определялся во многом присутствием, как я уже говорил, английских интервентов (официально – «союзников»). Авантюра Колчака к лету 1919 года провалилась, да и у Деникина обозначился явный провал. Так что открыто зверствовать и «затягивать гайки» эсеровско-мусаватистским «властям» и англичанам в условиях все большего нависания над Каспием 11-й Красной Армии было не с руки. Тем более что политическая жизнь Баку (да и вообще в Закавказье) пестрила тогда, как сарафан цыганки, и разобратся, кто есть кто, иногда было просто невозможно. Чуть позже я приведу на сей счет интересную оценку Ивана Исакова, будущего советского адмирала.

В такой обстановке и началась пресловутая «темная страница» в биографии молодого техника. Сам он об этом писал в 1923 году так:

«Осенью того же 1919 года от партии Гуммет поступаю на службу в контрразведку, где работаю вместе с товарищем Муссеви. Приблизительно в марте 1920 года, после убийства тов. Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в Бакинской таможне».

В не тем будь помянутом антибериевском сборнике «Политиздата» 1991 года относительно партии «Гуммет» дается скупая и невнятная справка: «социал-демократическая организация, действовавшая с конца 1904 года по февраль 1920 года, созданная для политической работы среди трудящихся мусульман».

Думаю, что эта скороговорка не случайна. За развернутой справкой о социал-демократической группе «Гуммет» («Энергия») я отсылаю читателя к вполне доступному источнику – 13-му тому второго издания БСЭ (стр. 202), а здесь сообщу, что она была создана по инициативе Сталина в 1904 году для политической работы среди трудящихся всего Азербайджана, а не только мусульман (наряду с Азизбековым ее возглавлял Алеша Джапаридзе, был среди лидеров Нариман Нариманов). В бакинский период деятельности Сталина в 1907–1910 годах он тесно сотрудничал с «Гуммет», но по своему составу группа не являлась однородной – в ней были активны националистические элементы.

И как раз летом 1919 года «Гуммет» раскололась, и часть ее, «скатившаяся, – как пишет БСЭ, – на позиции, враждебные пролетариату», примкнула к меньшевикам, а большевистская часть «Гуммет» впоследствии вошла в Компартию Азербайджана.

А ТЕПЕРЬ можно события и реконструировать! Летом 1919 года уже нетрудно было предвидеть такой поворот дел, когда 11-я армия пойдет на Баку. Для подготовки этого нужна была информация о действиях врага, и Берия решают направить к мусаватистам. Скорее всего,

в принятии решения участвовал и Анастас Микоян (хотя, как мы увидим позднее, он это «запамятовал»).

Весьма вероятно, что имел отношение к направлению Лаврентия и упомянутый им М. Муссеви – в 1919 году заместитель начальника Организации по борьбе с контрреволюцией (то есть контрразведки) при Комитете государственной обороны Азербайджанской республики.

Пусть читателя не смущает сверх-р-р-еволюционное наименование организации, одним из руководителей которой был Муссеви, погибший в марте 1920 года. Эта организация и была... той самой мусаватистской контрразведкой, в которую пришел Берия. Ведь в правительстве марионеточной Азербайджанской республики были сплошные р-р-еволюционеры – эсеры, меньшевики. И они «тоже боролись с контрреволюцией». На свой лад – языком.

Такие вот «семнадцать мгновений весны» пролетали тогда над Баку.

Время и канал внедрения Берии в контрразведку были выбраны (им или «старшими товарищами») весьма грамотно. Если кто-то обратит внимание на недавнюю «красноту» нового сотрудника, то ее легко объяснить – да я же из «Гуммет»! Была, мол, дурь по молодости, да вышла, и разошлись, мол, мои дорожки с большевиками. Для того (да и только ли – для того?) времени в такой метаморфозе ничего особо удивительного не было!

Зададимся вопросом: «Если бы Берия был тайным агентом контрразведки, работая в партии, пошел ли бы он в контрразведку уже открыто?»

Думаю – вряд ли.

А точнее – нет!

Отговориться можно было без труда – его же не на явный фронт посылали, а на тайный. Тут отказ можно обставить легко – мол, под пули, товарищи – хоть сейчас, а притворяться не приучен, разоблачат в момент!

Но, может, Берию завербовали уже во время его службы в контрразведке? Тоже не получается! Во-первых, когда все уже сказать было можно и нужно – после ареста в 1953 году, даже после окончания «следствия», официальных обвинений Берии в подобном так и не было предъявлено. Предсовмина Грузии Бакрадзе хотя и назвал Лаврентия Павловича на пятой сессии Верховного Совета СССР «шпионом международного империализма», но это было сказано так – для грязного словца.

Главное же – если бы Берию завербовали, то весь «рисунок» его натуры изменился бы! Какие там напор и жесткость в горячие времена! Осторожность, сдержанность, неспешный подъем вверх, а лучше бы – вообще без него. Чем выше поднялся, тем больше на тебя смотрят...

Записной политический пасквильянт Антонов-Овсеенко-сын много и гнусно писал о Сталине. «Отметился» он в «бериевской» теме, написав «труд» под названием «Путь наверх», помещенный в сборнике «Берия: конец карьеры». Анализировать психопатические бредни Овсеенко непросто – самому можно свихнуться, разбираясь с допускаемыми им «нестыковками» фактов и логики иногда в пределах одной страницы. При этом Овсеенко заявляет: «Моя работа основана на фактах».

На его «фактах» я еще буду иметь повод остановиться не раз, а сейчас приведу один «факт», касающийся работы Берии у мусаватистов. Овсеенко пишет: «Добытые Берией данные Багиров пересылал в Царицын, в штаб X армии».

Об этом «факте», уважаемый читатель, со ссылкой на Овсеенко, я вначале прочел у Н. Зеньковича («Маршалы и генсеки», «Русич». Смоленск. 1997 г., стр. 207) и тогда подумал, что здесь – ошибка набора, надо – в «штаб XI армии», потому что Зенькович опустил «в Царицын».

«Внутренний хроникер ЦК КПСС» Зенькович приводит этот «факт» даже в оправдание Берии – мол, передавал же он сведения, даже, мол, Овсеенко не отрицает. То есть – приносил Берия Родине какую-то пользу. Хотя, мол, «страница и темная». Но штука-то в том, что ни в

какой штаб X армии никаких сведений от Берии поступать не могло – они там были нужны, как телеге пятое колесо.

Просто уму непостижимо – если уж Овсенко и Зенькович не знают истории Гражданской войны, то уж географию-то знать надо бы!

Где Баку, а где – Царицын?

И зачем Багирову или кому-то еще надо было тыщи полторы верст киселя хлебать до Царицына, когда по пути намного ближе был штаб 11-й армии (в Красной армии, вообще-то, не были приняты латинские цифры в номерах частей) – в Астрахани! Еще 14 марта 1919 года (если быть совершенно, по-военному точным – в 14 часов 46 минут) Главком Вацетис подписал в Серпухове директиву № 1185/оп о реорганизации войск в связи с ликвидацией фронта, где пункты 2-й и 3-й гласили:

«2. Из прочих войск бывшего Каскавфронта (Каспийско-Кавказского фронта. – С.К.) сформировать 11 армию, сведя их в две стрелковые и одну кавалерийскую дивизии...

3. Штаб 11 армии – Астрахань».

И в этом-то штабе оперативная информация из Баку была крайне необходима. Туда ее Берия и передавал.

И информация была, очевидно, ценной, если, как писал Берия в 1923 году, позднее он был командирован *«от регистра (разведотдела. – С.К.) Кавфронта при РВС 11-ой (Берия пишет номер верно. – С.К.) армии в Грузию для подпольной зарубежной работы».*

Такие вот «факты».

Такие – под стать им, «аргументы».

И уж так – напоследок... В 2003 году издательство «Олма-пресс» выпустило в свет переводной (с итальянского) двухтомник «История шпионажа» некоего Э. Бояджи. Написан он хлестко, история мировой разведки подана в нем с расчетом на сенсацию. Однако в статье «Берия – великий архитектор секретной полиции» о якобы провокаторстве Берии не сказано было ни слова. Видно, даже Бояджи не рискнул подрывать свое реноме дешевой сплетней.

Не упоминают о якобы «провокааторстве» Берии и охочие, вообще-то, до выдумок Норман Полмар и Томас Б. Аллен, авторы капитальной «Энциклопедии шпионажа». Они ведь – не Антонов-Овсеенко или Никита Хрущев.

НАЧАЛСЯ 1920 год.

Закавказский политический балаган (увы, не без немалой крови народов!) все еще продолжался, но близился к концу.

Заканчивались основные военные действия Гражданской войны в Великороссии и на Украине, и появлялась возможность разобраться с кавказскими делами. В феврале 1920 года в Баку нелегально состоялся I съезд КП (б) Азербайджана. В Астрахань приехал Киров.

17 марта Ленин шифром направил телеграмму в РВС Кавказского фронта Смильге и Орджоникидзе, где писал:

«Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти. То же относится к Грузии, хотя к ней относиться советуем еще более осторожно...»

И к Баку начала продвигаться 11-я армия во главе с Орджоникидзе, Кировым и Микояном.

27 апреля 1920 года в Баку началось восстание, в тот же день был образован Азербайджанский ревком. А утром 28 апреля стремительно, на всех парах, летевшие бронепоезда 11-

й армии с десантными отрядами вошли в Баку. С моря подошли корабли Волжско-Каспийской флотилии с десантным отрядом моряков под командой Ивана Кожанова.

Была образована Азербайджанская ССР.

Остатки белогвардейцев и англичане ушли в иранский порт Энзели (ныне Пехлеван). Они увели туда все корабли и вспомогательные суда своей Каспийской флотилии и немалое количество торговых судов.

Наше командование решило вернуть их силой.

В операцию были назначены эсминцы «Карл Либкнехт», «Деятельный», «Расторопный», канонерские лодки «Карс» и «Ардаган», вспомогательные крейсера «Роза Люксембург», «Советский Азербайджан», «Австралия», два тральщика. 17 мая они и транспорты с десантом в две тысячи моряков вышли из Баку и 18 мая подошли к Энзели. Одновременно из Астары подошел кавалерийский дивизион.

Персам было сказано, что мы с ними не воюем, пришли в Энзели «за русским имуществом».

Боевые действия закончились в тот же день и заключались в основном в переговорах с английским генералом Чемпэйном, старавшимся оттянуть неприятный момент неизбежной капитуляции до темноты, и периодическом напоминании ему о необходимости поторопиться орудийным огнем крейсеров.

В Баку были возвращены 10 крейсеров, авиатранспорт, 4 английских торпедных катера, немало средних и малых шхун и шаланд. И это – не считая трофейных грузов на судах и брошенного англичанами имущества (тоже в немалой мере награбленного), а также 50 орудий английских береговых батарей.

Один из руководителей операции – Иван Исаков, тогда командир эсминца «Деятельный», записывал в дневнике:

«Когда миноносцы медленно проходили по фарватеру внутрь залива, громадная толпа энзелийцев, стоявшая сплошной стеной вдоль мола и причальных стенок, помахивала приветливо маленькими красными флажками (наспех состряпанными из материи и бумаги) и горячо аплодировала пришельцам...

Это был своеобразный знак признательности за то, что мы изгнали англичан...»

Нет никаких сведений о том или ином участии молодого Берии в разработке и проведении операции в Энзели. Но не знать о ней он не мог и наверняка усвоил ее уроки, тем более что поучиться здесь будущему чекисту было чему.

Энзелийская операция мало известна, а зря. Ее надо бы упоминать в курсе истории начальной школы в качестве примера того, как должна поступать настоящая российская власть, восстанавливая русские интересы.

В политическом отношении Энзелийская операция имела блестящий результат: 20 мая правительство Ирана предложило Советскому правительству «урегулировать добрососедские отношения»...

30 сентября 1920 года между Азербайджанской республикой и РСФСР был подписан союзный договор, где говорилось, что правительства обеих республик проводят в кратчайший срок объединение военной организации и военного командования, органов, ведающих народным хозяйством и внешней торговлей, органов снабжения, железнодорожного и водного транспорта, почтово-телеграфного ведомства и финансов.

Фактически новый Азербайджан вернулся в состав новой России.

ХОРОШЕЕ представление о том, чем было тогда в политическом отношении Закавказье, дают дневниковые записи 1920 года моряка Ивана Исакова, имевшего и зоркий глаз, и толковую голову будущего флотоводца, и неплохое перо:

«Какими бы лозунгами ни прикрывались муллы, ханы и беки, они служат контрреволюции и самой черной реакции. Особенно характерно и в то же самое время нелепо то, что о национальных интересах азербайджанского народа больше всего «заботятся» турецкий паши, английские генералы и сэр Детердинг (международный нефтяной магнат. – С.К.), швед Нобель, французский еврей Ротшильд и те коренные бакинцы вроде Ассадулаева, Тагиева, Манташева, Лалаева и др., которые проводят большую часть года в Париже и воспитывают там своих детей.

Грузинские меньшевики заботу о национальных интересах отдали сперва кайзеровской Германии, затем с такой же легкостью передоверили Англии, поскольку с Италией сговор не состоялся из-за помехи конкурентов.

Дашнаки в Армении более твердо держались одной ориентации, зато целиком, с потрохами продались американцам (внешняя политика, экономика, армия, полиция и т. д.).

В результате, поскольку Турция продолжает политику экспансии в расчете на религиозный фанатизм мусульман, в Закавказье получился многослойный, противоречивый и запутанный клубок, в котором очень трудно разобраться, тем более что обстановка меняется не по дням, а по часам».

Да, период Гражданской войны в Закавказье был окрашен в пестрые цвета.

И еще он был окрашен кровью не только классовой борьбы, но и кровью межнациональной розни, кровью резни. Скажем, меньшевистское правительство Грузии не разрешило пропустить через свою территорию эшелон с хлебом из РСФСР, шедший в голодающую Армению.

Нынешние либеральные историки могут заметить: «Ведь были в Закавказье и попытки федерализации – в Тифлисе 24 ноября 1917-го был учрежден Закавказский комиссариат – орган управления, образованный совместно меньшевиками, эсерами, дашнаками и мусаватами!»

Так-то оно так... Однако сбивали эту шваль в одно «стадо» с собственными далеко идущими целями англичане, а особенно – американский посол в Тифлисе Смит. Комиссариат «возглавил» меньшевик Гегечкори, но тот же Смит имел там – не входя в «правительство» – право решающего голоса.

С его же «помощью» 23 февраля в Тифлисе был создан Закавказский сейм. Он объявил себя законодательным органом Закавказья и подтвердил верность договорам, заключенным Закавказским комиссариатом с белыми силами Дона, Кубани и Урала. Общий же курс был на юридическое закрепление отторжения Закавказья от России. Председателем сейма стал Николай Чхеидзе. Однако из «объединения» Закавказья на манер Соединенных Штатов ничего путного не вышло.

Этот край был потенциальным раем. Собственно, легенды и помещали рай на горе Арарат. Сюда отправлялся «Арго» Ясона за Золотым руном. А теперь здесь лилась кровь, и прекратить это могли лишь большевики.

О тогдашней обстановке на Кавказе народный писатель Армении Александр Ширван-Заде рассказывал в 1934 году, на первом Съезде советских писателей, так:

«Красная Армия... появилась на Кавказе в то время, когда... меньшевистская Грузия и многострадальная дашнакская Армения вцепились друг в друга и готовы были вырвать глаза одна другой... Это была борьба двух карликов, двух пигмеев. Тем более она была жестока. В этой борьбе никто бы не победил, были бы побеждены обе стороны: обычный результат, когда бессильные вцепляются друг в друга.

Красная Армия появилась тогда, когда Армения погибала от голода, когда меньшевистская, такая же многострадальная, Грузия и мусаватский Азербайджан разорялись... империалистическими армиями. В то время, когда лилась... кровь на улицах Баку и Тифлиса, а в особенности в Армении, империалистические армии вывозили из Грузии марганец, из Азер-

байджана – нефть, а у голодающей, обнищавшей Армении отнимали последние сельскохозяйственные продукты.

Армия большевиков, армия красных сказала свое слово: «Стой! Довольно! Это не ваше место, уходите! Мы не позволим превращать цветущий край в вашу колонию».

С другой стороны, она обратилась к ведущим грузинским, армянским и тюркским массам: «Для кого, для чего вы воюете?.. Жизнь дана вам не для того, чтобы побивать друг друга, а для того, чтобы братски помогать друг другу».

Она вырвала из рук кавказских крестьян ружье и вложила в них серп, вырвала из рук пролетариата кинжал, вложив в них молот.

И пролетариат, весь народ постепенно понял это и бросил оружие».

Но до того как это произошло, понадобилось несколько лет борьбы.

Для молодого большевика Берии эта борьба была временами нелегальной. А любая тайная работа дает богатые возможности для клеветы на тех, кто ее ведет. Чтобы понять, что я имею в виду, предлагаю читателю подумать – как встретили бы рядовые жители Ровно советского разведчика Николая Кузнецова, если бы он остался жив и после войны приехал бы в Ровно без предварительных публичных разъяснений, почему он проходил пару лет назад по этим же улицам в форме офицера вермахта?

Вот так же обстоят дела и с обвинениями против Берии как «двойника», якобы работавшего на мусаватистов. Ложной «информации» на сей счет хватает, и поэтому к этому моменту в жизни Берии надо вернуться еще раз.

Серго Берия пишет:

«То, что отец по заданию партии большевиков работал в контрразведке в Баку, никогда не скрывалось. Именно там начинал он свой путь в разведке. Лучше других знал об этом Анастас Микоян, работавший там же по тому же заданию».

Но надо ли верить сыну Берии? Ведь его книга «Мой отец – Лаврентий Берия» – источник зачастую ненадежный, что лишний раз подтверждается его смехотворным, вообще-то, утверждением о работе у мусаватистов и Микояна (Анастаса Микояна в Баку знали как облупленного, потому что он уже тогда был одним из партийных лидеров Закавказья).

Зато, скажем, журнал «Юность» в № 9 за 1989 год публикует письмо некоего Ф.Я. Березина, чей отец Я.Д. Березин, секретарь МЧК в 1918–1921 годах, был якобы жертвой отца Серго Берии.

Автор письма, со слов отца, утверждает, что в декабре 1921 года Якова Березина вызвал к себе Дзержинский и вручил ордер на арест Берии. «При этом, – как пишет Березин-младший, – Феликс Эдмундович сказал, что Кедров (в то время видный чекист. – С.К.) написал докладную, в которой есть факты о провокаторской деятельности Берия – ответственного работника Азербайджанской ЧК...»

Стоп!

Березин – всего лишь секретарь МЧК. Это значит: убери, принеси, подай и т. д. и т. п. Вручить ему ордер для производства ареста – это понятно.

Но с чего вдруг председатель ВЧК будет сообщать рядовому работнику, пусть и центрального аппарата, такие оперативные данные, которые этому работнику для выполнения задания знать не положено? Это ведь азбука для всех, кто имеет дело с секретами – любому положено знать лишь то, что ему положено знать! С сообщения этого правила начинается первый инструктаж тех, кого допускают к секретным сведениям.

Ну, ладно! Допустим, «Железный Феликс» оказался – по Березину, то ли отцу, то ли сыну – болтуном. Но дальше березинское повествование становится вовсе неправдоподобным!

Для задержания Берии, прибывающего ночным поездом из Баку, якобы был назначен наряд из четырех чекистов, но даже старший не знал, кого они должны арестовать.

А это как? Как же они будут арестовывать неизвестно кого? И почему наряду нельзя было сообщить имя никому в Москве тогда не известного Берии? Сам Березин-отец это имя впервые услышал в кабинете Дзержинского.

Тут фантазия то ли отца, то ли сына явно подвела. И подобные казусы объясняются смещением восприятия. Врут спустя много времени и при этом забывают, что это в 1953 году имя Берии гремело, а в 1921 году наряд лишь плечами пожал бы – Берия, мол, так Берия... Мы и не таковских бериев брали!

А далее события – по Березину-сыну – разворачивались так:

«За несколько часов до прихода ночного поезда из Баку Дзержинский вновь вызвал Березина, сказал, что арест Берия отменяется, попросил сдать ордер и резко порвал его.

«Что случилось?» – спросил Березин.

«Позвонил Сталин и, сославшись на поручительство Микояна, попросил не принимать строгих мер к Берия», – ответил Дзержинский...

Берия в ту ночь не прибыл в Москву, за неявку в ВЧК он не получил упреков. Выходит, на то была санкция Дзержинского или Сталина.

«Отец говорил мне, – продолжал Березин, – что... Берия... шкурой почувствовал нависшую над ним опасность ареста после проверки, проведенной Кедровым в Баку».

Нет, уважаемый читатель! Хорошо все-таки, что «жертвы режима» так склонны к «мемуарам»! Адмирал Канарис говорил майору Штейнглицу, что приметы осла – не обязательно уши. Вот так и с повествователями типа березиных. Они сами не понимают, что пишут.

Зададимся вопросом: «Каким образом Сталин, к оперативной деятельности ВЧК тогда отношения не имевший, а уж тем более – Микоян, узнали о всего лишь предстоящем (несовершившемся) аресте пусть и ответственного, но периферийного сотрудника ЧК?»

Может, кто-то проговорился? Но кто? И кому? Впрочем, сам Березин-папа заявлял, что получить информацию о готовившемся аресте от работников МЧК Берия не мог. Да как бы он ее от них получил, если его имя якобы не знали даже те, кто его должен был арестовать?

Значит, версия о том, что Берия снесся с Микояном, а сам, от греха подальше, в Москву пока не поехал, не проходит. А насчет «шкурой почувствовал» – тоже неубедительно. Берия что – новичком в чекистских делах был? Если бы он предполагал арест и знал за собой подлинные грехи перед партией, то понимал: не взяли в Москве – возьмут в Баку.

И тогда бы он просто, взяв ноги в руки, кинулся бы в бега к «своим» – за кордон. Тогда это ведь делалось просто!

Далее... Березин-сын пишет, что его отец в 1932 году «в узком кругу чекистов рассказывал о бывших намерениях Дзержинского арестовать Берия и о роли Сталина и Микояна в этом деле»...

А как надо оценивать *это* сообщение? Что можно сказать о человеке, который на основании всего лишь недоказанных подозрений (а проще – слухов) в кругу коллег чернит другого своего коллегу? Понятно, что это – как минимум – клеветник и завистник.

Но 1932 год – время непростое.

Берия – уже партийный лидер Закавказья, сменивший «лидеров» провалившихся. Он вполне предан как делу Сталина (то есть – делу построения социализма в России), так и Сталину лично.

Политическая борьба между большевистским ядром В КП (б) и «уклонами» в 1932 году начинает набирать остроту. И вот в этот момент чекист «в узком кругу чекистов» пытается подорвать репутацию как руководителя коммунистов Закавказья, так, заодно – и репутацию руководителя партии. Как это надо понимать?

Можно ли это расценивать иначе, кроме как доказательство троцкистских симпатий «дважды почетного чекиста»?

В историю с орденом, выданным Дзержинским, я не верю (уж не знаю, насколько я убедил в обоснованности своего недоверия также и читателя). А вот в то, что Березин-папа запускал провокационные слухи в 1932 году – верю. Это вполне укладывается в объективную картину той эпохи.

Березин пытался, между прочим, порочить Берию в год 15-летия органов ВЧК – ОГПУ. А за год до этого – 30 марта 1931 года председатель ОГПУ Менжинский издал приказ № 154/93...

Впрочем, я слишком забегаю вперед. Вернемся в двадцатые годы, о которых в начале тридцатых годов Берия писал из Тбилиси в Москву Орджоникидзе вот что:

«В Сухуме отдыхает Леван Гогоберидзе. По рассказам т. Лакоба и ряда других товарищей, т. Гогоберидзе распространяет обо мне и вообще о новом закавказском руководстве (Берия с 1932 года был первым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б), объединявшего парторганизации Азербайджана, Армении и Грузии. – С.К.) гнуснейшие вещи. В частности, о моей прошлой работе в мусаватистской контрразведке, утверждает, что партия об этом якобы не знала и не знает. Между тем Вам хорошо известно, что в мусаватистскую разведку я был послан партией и что вопрос этот разбирался в ЦК АКП(б) в 1920 году, в присутствии Вас, т. Стасовой, Каминского, Мирза Дауд Гусейнова, Нариманова, Саркиса, Рухулла, Ахундова, Буниат-Заде и других. (В 1925 году я передал Вам официальную выписку о решении ЦК АКП(б) по этому вопросу, которым я был совершенно реабилитирован.)»

Это письмо было опубликовано в № 2 за 1995 год теоретического и политического журнала «Свободная мысль», издававшегося таким оплотом демократии, как Горбачев-фонд. Там вряд ли восхищаются коммунистом Берией, так что верить в подлинность письма можно, тем более что оригинал хранится в РЦХИДНИ – Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории.

Как видим, сыну Лаврентия Павловича Берии в данном случае верить можно. А вот сыну Якова Давидовича Березина – вряд ли.

Как и самому Якову Давидовичу.

И что характерно – эти якобы разоблачения Березина-сына вошли и в политиздатовский сборник 1991 года «Берия: конец карьеры». Туго, выходит, у «обличителей» Лаврентия Павловича с документальными доказательствами, если приходится раз за разом пускать в ход подобные сплетни...

ОБРАТИМСЯ вновь к анализу. В Баку Берия работал в мусаватистской контрразведке. Если бы у товарищей по партии возникли какие-то сомнения относительно его надежности, то разве его после установления в Азербайджане Советской власти направили бы вновь на нелегальную работу уже в Грузию? А его туда направили!

Так в чем же причина пересудов вокруг бакинского периода работы Берии? Думаю, не в последнюю очередь они объясняются инсинуациями упомянутого Березиным Кедрова.

Михаил Кедров оставил по себе в истории сложную память. Старый большевик, известный Ленину, он после Октября выполнял различные поручения на Севере России, с 1 января по 18 августа 1919 года руководил Особым отделом ВЧК, но уже к концу года его назначают председателем Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния Республики.

Такое назначение для опытного работника в горячую пору не очень объяснимо, если не предполагать, что он просто не подошел Дзержинскому по каким-то серьезным основаниям.

Какими же могли быть эти основания? О Кедрове шла слава как о человеке не просто жестком, но жестоком. Однако в суровые времена жесткость – не самый большой порок. А вот чрезмерная подозрительность и склонность к оговорам и произволу в таком месте, как Особый отдел ЧК, – это прямая угроза прочности армии!

Возможно, поэтому Дзержинский и избавился от Кедрова. Следить за чистотой отхожих мест, когда вокруг тиф и холера, – задача тоже важная, но тут особо трибуналом не погрозишь.

Бывал Кедров позднее и председателем комиссий по проверке различных учреждений. Тут придирчивость и подозрительность тоже не были благом, но конкретные меры по наказанию определяли все же другие.

Временно на чекистскую работу Кедров вернулся в 1921–1924 годах, совместив обязанности уполномоченного Совета Труда и Оборона по рыбной промышленности Южного Каспия с обязанностями уполномоченного ВЧК по Каспию. Тут-то, в Баку, въедливый и подозрительный, он и «раскопал» «компромат» на Берию.

Разведка, а уж тем более – разведка нелегальная, агентурная, – штука тонкая, в годы Гражданской войны чаще всего не документируемая. Кедров же был, думаю, натурой ограниченной – как всякий подозрительный человек, готовый верить слухам. И верно оценить ситуацию не смог.

В сферу его компетенции входил лишь Азербайджан. Из Баку, от Кедрова, и пошел с 21-го года слух о «мусаватистском агенте» Берии.

И этот слух кое-кому очень пришелся по душе. Ведь Берия не в странноприимном заведении работал, а в ЧК. А у принципиальных и толковых сотрудников этого ведомства недостатка в недоброжелателях никогда не наблюдалось...

НО ПОКА что Кедров проверяет сортиры, а Берия...

А Берию вновь посылают на нелегальную работу. И пусть об этом расскажет он сам:

«С первых же дней после Апрельского переворота в Азербайджане краевым комитетом компартии (б-ков) от регистрада (регистрационное, разведывательное отделение. – С.К.) Кавфронта при РВС 11-ой армии командуюсь в Грузию для подпольной зарубежной работы в качестве уполномоченного. В Тифлисе связываюсь с краевым комитетом в лице тов. Амаяка Назаретяна, раскидываю сеть резидентов в Грузии и Армении, устанавливаю связь со штабами грузинской армии и гвардии, регулярно посылаю курьеров в регистрод г. Баку. В Тифлисе меня арестовывают вместе с Центральным Комитетом Грузии, но согласно переговорам Г.Стуруа с Ноем Жордания освобождают всех с предложением в 3-дневный срок покинуть Грузию...»

А вот здесь я Лаврентия Павловича прерву, чтобы кое-что пояснить.

Георгий Федорович Стуруа – тогда ему было 36 лет – это один из руководителей Компартии Грузии, большевик с 1901 года, профессиональный революционер. В 1903–1914 годах он работал в нелегальных большевистских типографиях в Баку и Москве, неоднократно арестовывался, был сослан в Нарымский край, откуда бежал.

8 июня 1926 года Сталин, отвечая на приветствия рабочих главных железнодорожных мастерских в Тифлисе, писал:

«Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Это было лет двадцать восемь тому назад. Я вспоминаю, как я на квартире у товарища Стуруа... получил первые уроки практической работы...»

Так вот *этот* Стуруа – Иван, это старший брат Георгия Стуруа, член ЦК КП(б) Грузии, член РСДРП с 1896 года.

Иван родился в 1870 году и умер в 1931-м. А Георгий, будучи младше Ивана на 14 лет, умер в 1956 году в Тбилиси, семидесяти двух лет от роду. Уж кто-кто, а братья Стуруа знали и о Сталине, и о Берии очень много... Но вот же – никто их никогда не репрессировал. А за что?

Они были большевиками без «уклонов», жили честно. Потому, наверное, к слову, и не попали в тот том второго издания БСЭ, который был подписан в печать 21 апреля 1956 года –

уже после выступления Никиты Хрущева на XX съезде о «культе личности», уже после разгона 2 марта 1956 года в Тбилиси демонстрации молодежи, протестовавшей против шельмования Сталина.

Вместе с младшим Стуруа и другими видными грузинскими большевиками Берию и арестовали – прямо в здании ЦК. Ведь ситуация тогда в Тифлисе была у Берии не как в Берлине у Штирлица – коммунисты в Грузии действовали в 1920 году вполне открыто и энергично. Будущее, и уже – близкое, было ведь за ними.

У меньшевиков Грузии, тогда еще формально находившихся у власти, положение было, как говорится, хуже генеральского. Вроде бы и власть, но с этими чертовыми большевиками никакие крутые меры невозможны. Единственное, что допустимо – оцепить здание их ЦК отрядом гвардии, арестовать и выслать.

Их и выслали, и тот же Стуруа вскоре уже работал в Баку секретарем ЦК КП(б) Азербайджана. Но Берию-то посылали в Грузию для организации нелегальной работы! И он ее организовал. И сеть агентурная уже была создана, и даже в среде грузинских жандармов («гвардии») уже были связи. И Берия остался, что само по себе доказывает его высокое чувство ответственности и долга.

Сам он об этом, без малейшей рисовки, любования и саморекламы, а в чисто информационном стиле писал позднее так:

«Однако мне удается остаться, поступив под псевдонимом Лакербая на службу в представительство РСФСР к т. Кирову, к тому времени приехавшему в г. Тифлис (Сергей Миронович Киров в то время был полномочным представителем Советской России в Грузии. – С.К.). В мае 1920 г. я выезжаю в Баку в регистрод за получением директив в связи с заключением мирного договора с Грузией...»

Да, Берии в Тифлисе было, конечно, проще, чем Штирлицу в Берлине – штандартенфюрер выехать в Москву для консультаций не мог. Но разведка в разное время имеет весьма разное оперативное оформление.

Итак, Берия получил в Баку новые инструкции, но на обратном пути его, как он пишет, «арестовывают по телеграмме Ноя Рамишвили» и доставляют в Тифлис, а оттуда «несмотря на хлопоты т. Кирова» направляют в Кутаисскую тюрьму....

Ной Рамишвили был министром внутренних дел в меньшевистском правительстве Грузии (мы о нем еще услышим).

А пока скажу, что нет худа без добра. Хозяином одной из конспиративных квартир Берии был большевик Александр Гегечкори, у которого имелась очаровательная 15-летняя племянница Нино. Второй дядя Нино – Евгений Гегечкори – был министром иностранных дел меньшевистского правительства. Подобные казусы были, впрочем, для Закавказья характерны.

Когда Берия попал в тюрьму, там уже находился Гегечкори, естественно – Гегечкори-большевик. Лаврентий с Александром сидели в одной камере, а жена Александра Мери приходила к мужу на свидание и прихватывала с собой Нино. Так Лаврентий впервые увидел уже свою будущую жену. Сюжет – вполне для кино, но жизнь Берии уже тогда была интереснее любого кино.

Да ведь и эпоха ему выпала интересная.

ЕСЛИ Берию арестовали уже на границе, то, значит, в Тбилиси уже знали о том, кем на самом деле является этот сотрудник Кирова. Ведь и та сторона имела своих агентов на нашей стороне. Поэтому вполне понятно, почему хлопоты Кирова не имели успеха, хотя просьба *такого* полпреда летом 1920 года значила в Тифлисе вряд ли меньше, чем значила бы просьба посла Смита в том же Тифлисе в году 1918-м.

Итак, несмотря на требовательные просьбы Кирова, Лаврентия не освобождают. Он пишет:

«Июнь и июль месяцы 1920 г. я нахожусь в заключении, только после четырех с половиной дней голодовки, объявленной политзаключенными, меня этапным порядком выслают в Азербайджан».

На том подпольные мытарства Берии закончились раз и навсегда. А вот полная грязных вымыслов и слухов «антибериада» была еще впереди.

Скажем, в «антибериевском» сборнике 1991 года приведена смачная история... Дескать, то ли в 1928-м, то ли – в 1929 году меньшевистский экс-МВД Рамишвили и его экс-подчиненный, бывший начальник «особого отряда» МВД Меки Кедия, вспоминали, что Берия-де после ареста «плакал и все разболтал о своих заданиях и связях, после чего был освобожден». Причем он якобы «раскололся» без какого-либо насилия над ним.

Могло ли нечто подобное быть на самом деле?

Нет, конечно! Весь рассказ Рамишвили и Кедии – несомненный вымысел. Если бы «распустившего соплю» Берию отпустили, то об этом, во-первых, знала бы вся тюрьма. Он ведь не мелким уголовником был!

Во-вторых, если бы его вот так взяли и освободили – в награду за предательство, то разве он отправился бы в Баку?

А главное – если бы Лаврентий «все разболтал о своих связях и заданиях», то – с учетом того, что знал Берия *очень* много, – в грузинской гвардии у Меки Кедии гвардейцев не хватило бы, чтобы обеспечить арест бериевской агентурной сети! Однако ничем подобным Ной Рамишвили похвалиться не мог.

Казалось бы, нельзя врать и клеветать так – ладно бы уж нагло, а то ведь – глупо! Но я не сборник анекдотов выше цитировал, а почти научный труд, изданный в Москве в 1991 году Издательством политической литературы под общей редакцией доктора исторических наук В.Ф. Некрасова.

Феликс Чуев записал такие слова Лазаря Кагановича:

«Нашли где-то какого-то свидетеля, который просидел 30 лет и они с Шатуновской (эту мадам я значительно позже еще вспомню. – С.К.) болтают... Чушь! Самая чушь! Дрейфусиада! Выдуманно от начала до конца. И этот Антонов-Овсеенко то же самое...»

Лазарь Моисеевич возмущался выдумками о XVII съезде партии. Но его слова в полной мере можно отнести и к злым выдумкам о Берии.

Вернемся, однако, к нашему герою, которого этапным порядком выслали в Советский Азербайджан. Как уже было сказано, подпольные мытарства его закончились раз и навсегда. А вот полная напряженного труда захватывающая державная работа была еще впереди.

Глава 6

Чекистское десятилетие

По возвращении в Баку в августе 1920 года Берия назначает управляющим делами ЦК КП(б) Азербайджана. На такой должности можно было хорошо зарекомендовать себя единственным образом – тщательностью, аккуратностью и трудолюбием. И еще – честностью и неподкупностью.

Молодой, пунктуальный управделами проявил, надо полагать, именно эти качества, потому что уже в октябре его назначают ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих.

Выбор Берии на эту должность был явно удачным – даже через десятилетия, поднявшись на вершины государственной власти, будучи председателем Спецкомитета в 40-е годы, он мог снять с работы директора «атомного» предприятия за – не удивляйся, уважаемый читатель, – пренебрежение к социальной сфере. Истоки такого подхода уходят во времена молодости Лаврентия, когда Берия учился быть внимательным к нуждам рабочего люда.

«Эту работу, – писал он в «Автобиографии», – я и т. Саркис (председатель комиссии) (Саркис – С. Тер-Каспарян (Касьян). – С.К.) проводили в ударном порядке вплоть до ликвидации Комиссии (февраль 1921 г.)».

Причем деятельность в Комиссии приходилось совмещать с занятиями в институте. Осенью 1920 года Бакинское механико-строительное училище было преобразовано в Политехнический институт, и Берия сразу же в него поступает. Он более всего хочет быть студентом, чтобы стать инженером-строителем, а скорее – архитектором.

Сколько молодых людей, да на его-то месте, уже сочли бы, что и судьбу за бороду схватили, и что все науки превзошли, а он мыслит, как романтик.

Впрочем – как «практический» романтик, умеющий делать повседневные дела, не теряя вкуса к жизни и способности к ярким мечтам...

Экспроприация буржуазии, если она проводится решительно и с умом, – акция не бесконечная. И, как далее продолжает рассказ Берия, с окончанием работы в Комиссии ему *«удается упротить (!! – С.К.) Центральный Комитет дать возможность продолжать образование в институте».*

Просьбу Берии ЦК удовлетворяет и отпускает его на учебу, дав даже стипендию *«через Бакинский Совет».*

Казалось бы, можно взяться, наконец, за книги и логарифмическую линейку... Однако не проходит и двух недель, как Берия затребуют через Кавказское бюро для работы в Тифлисе.

Значит, там его помнят лишь с хорошей стороны. Но ценные кадры нигде на дороге не валяются, и если уж Берия в Баку, а его требует Тифлис, то если уж Лаврентия с учебы и срывать, то стоит ли отдавать его «на сторону»? Он и в Баку пригодится!

Судя по дальнейшему, в ЦК Компартии Азербайджана рассуждали именно так, потому что закончилось вот чем... С учебы-то Берия «сняли», но вместо того, чтобы послать его в Тифлис, ЦК АКП(б) своим постановлением назначает 22-летнего Лаврентия в Азербайджанскую ЧК заместителем начальника секретно-оперативного отдела (СПО), а вскоре – начальником СПО и заместителем председателя Азчека.

Это уже серьезно и более чем ответственно. Но это – лишь начало быстрого служебного роста. Да, именно служебного, а не карьерного, как сказали бы сейчас. Ведь в том, что к деланию карьеры Берия не стремился, читатель уже мог убедиться хотя бы из того, как настойчиво он стремился быть не начальником, а студентом!

В Баку приезжает Нино, и вскоре они с Лаврентием становятся мужем и женой (сын Серго родился уже в Тбилиси, куда Берия будет переведен в 1922 году).

Чем он жил тогда? Что ж, я опять дам слово для ответа на этот вопрос самому молодому Лаврентию. Он-то свою жизнь помнит лучше, чем кто-либо другой... К тому же выше и ниже я цитирую не мало к чему обязывающие мемуары, а тот официальный документ, который все еще лежит в личном деле Берии в потаенных, но все же не уничтоженных архивах и который он озаглавил «Автобиография».

«Не буду останавливаться на напряженном и нервном характере работы в Азчека, – заявляет Берия решительно, но хотя бы кратко на такой работе не остановиться нельзя, и он не удерживается. – В результате такой вскоре сказались положительные результаты. Останавливаюсь здесь на разгроме мусульманской организации «Иттихат», которая насчитывала десятки тысяч членов (турецкая правая партия «Иттихад не таракы» – «Единение и прогресс» – была основана в 1889 году и существовала до 1926 года. – С.К.). Далее – разгром Закавказск. организации прав, эсеров, за что ГПУ (ВЧК) своим приказом от 6 февраля 1923 г. за № 45 объявляет мне благодарность с награждением оружием. Итоги той же работы отмечены Совнаркомом АССР в своем похвальном листе от 12 сентября 1922 г. и в местной прессе.

Работая в Азчека, одновременно состою председателем Азмежкома (Азербайджанская междуведомственная комиссия) с VII – 1921 г. по XI – 1922 г. Затем в комиссии ВЭС (Выс. Эконом, совета) и в комиссии по обследованию ревтрибунала. По партийной линии состою прикрепленным от БК АКП (Бакинский комитет Азербайджанской коммунистической партии. – С.К.) к рабочим ячейкам, а позже для удобства – к ячейке ЧК, где состою членом бюро, бывал избираем почти на все съезды и конференции АКП, состоял также членом БакСовета...»

Здесь все сказано верно. А подтверждают это документы, хранящиеся в личном деле Л.П. Берии и приводимые, как ни странно, в «антибериевском» сборнике 1991 года.

Там, кроме такой, скажем, характеристики, как кировская (Киров был тогда в Баку секретарем ЦК): «...тов. Берия хороший и энергичный чекист, проявил себя на чекистской работе с хорошей стороны», имеются еще три документальных свидетельства о работе Берии в АЗЧК.

Итак, первое:

**«Азербайджанская
Социалистическая
Советская Республика
Азербайджанский Совет
Народных Комиссаров**

Азербайджанский Совет Народных Комиссаров в ознаменование исполнения начальником секретно-оперативного отделения Азербайджанской Чрезвычайной комиссии тов. Берией Лаврентием Павловичем своего долга перед пролетарской революцией, выразившегося в умелом руководстве блестяще выполненного в государственном масштабе дела по ликвидации Закавказской организации и. с.-р., награждает его золотыми часами с монограммой.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Г. Мусабегов».

Второе:

«Выписка из приказа ГПУ

от 1923 года за № 45

За энергичное и умелое проведение ликвидации Закавказской организации и. с.-р. нач. с.о.ч. Бакинского губотдела тов. Берия и нач. секретного отделения тов. Иоссем награждаются оружием – револьверами системы «Браунинг» с надписями, о чем занести в их послужные списки...

Зампред ГПУ (Уншлихт)».

И третье:

«Удостоверение

Дано сие ответственному партийному работнику тов. Берия Л.П. в том, что он [обладает] выдающимися способностями, проявленными в разных аппаратах государственного механизма... Работая Управделами ЦК Аз. компартии, чрезвычайным уполномоченным регистра Кавфронта при реввоенсовете 11-ой армии и ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих, он с присущей ему энергией, настойчивостью выполнил все задания, возложенные партией, дав блестящие результаты своей разносторонней работой, что следует отметить как лучшего, ценного, неутомимого работника, столь необходимого сегодня в советском строительстве...

Секретарь ЦК АКП *Ахундов*».

Эти документы приведены в «антибериевском» сборнике 1991 года со следующим «научным» комментарием:

«Все... три документа роднят не только выпененный тон, возможно соответствующий... восточной фразеологии (угу, особенно у польского дворянина Уншлихта. – С.К.)... но и судьбы тех, кто поставил под ними свои подписи. Год смерти у них один и тот же – 1938-й, когда в Наркомат внутренних дел СССР пришел Берия...»

Вот так, уважаемый читатель, и написано. И даже сказано далее, что сначала Берия был заместителем наркома, и уточнено даже, что – с августа 1938-го...

Но Иосиф Уншлихт был арестован 11 июня 1937 года, а расстрелян 29 июля 1938 года.

Но Газанфар Махмуд оглы Мусабегов (Мусабеков) был арестован в июле 1937 года, а расстрелян 9 февраля 1938 года.

По Рухулле Али оглы Ахундову точных данных я не нашел, но можно не сомневаться, что и к его аресту и расстрелу в 1938 году Берия отношения не имеет. Причем, скорее всего, и Ахундов был арестован в июне 1937-го.

Ахундов и Мусабегов в тридцатые годы, безусловно, часто сталкивались с Берией – они были видными людьми в Закавказье. Но их общественное положение ко второй половине 30-х годов было ниже, чем у Берии. Никаких грехов они за ним в годы Гражданской войны, как видим, не числили. И арестовывали их не в силу интриг Берии, а в силу иной причины – общего обострения внутрипартийной борьбы.

Причем Берия не имел даже отношения к санкции на их арест, потому что с принятием на 8-м Чрезвычайном съезде Советов СССР 5 декабря 1936 года «сталинской» Конституции СССР Закавказская Федерация была разделена на Азербайджанскую, Армянскую и Грузинскую ССР, и в апреле 1937 года Закавказский крайком В КП (б), первым секретарем которого к тому времени был Берия, упразднили.

Ахундов же и Мусабегов работали в Азербайджане, и с весны 1937 года Берия, будучи первым секретарем Компартии Грузии, уже не являлся для них партийным начальником. И санкцию по партийной линии на их арест давал Багиров.

Что же до Уншлихта, то на его судьбу Берия вообще не имел и не мог иметь никакого влияния.

Вот так!

НО ПОКА ЧТО у нас еще год 1922-й, и блестящие служебные и партийные аттестации Берии доказывают одно: чтобы сделать за такой короткий срок так много и так много успевать, одной старательности мало, и даже трудолюбия и способностей – тоже.

Здесь нужен дар божий, талант!

Так ведь Берия и был очевидно талантлив! И из-за чего другого, если не из-за этого, его так настойчиво желает перетащить к себе грузинское руководство?

Действительно – как же это так! Родился в Грузии, родители – в Грузии, а он там, на Каспии, на бакинского «дядю» работает. Нет уж, подавайте-ка нам его в родные края!

И в ноябре 1922 года Берия распоряжением Закавказского крайкома отзывается из АзЧК в распоряжение ЦК КП(б) Грузии. А в Тифлисе Лаврентия назначают начальником секретно-оперативной части и заместителем председателя ЧК Грузии.

В своей «Повести о жизни» Константин Паустовский признавался: «Я знал уже много мест и городов России. Некоторые из этих городов сразу же брали в плен своим своеобразием. Но я еще не видел такого путаного, пестрого, легкого и великолепного города, как Тифлис».

Это сказано о Тифлисе примерно тех лет, когда туда – уже как в столицу Советской Грузии – прибыл молодой чекист Берия. Но его здесь ждала отнюдь не такая беззаботная жизнь, какую мог позволить себе молодой литератор Паустовский.

Скажем, Паустовский описал свою встречу с бандитами-де-зертирами в горах Кавказа как приключение, а Берии надо было этих бандитов вылавливать.

Паустовский вспоминал: «Весь Батум шумел на ветру от флагов. Почти половина флагов было турецких. Жители города еще не успели сделать новые, советские флаги». А Берии и его коллегам надо было разбираться – кто «еще не успел», а кто – был не прочь, чтобы турецкие флаги развевались над Батумом и впредь.

Паустовский как о забавной фигуре писал о коменданте Батума: «Некий красивый и превеличленно галантный полковник, оставшийся городу во временное наследство от... меньшевистской армии». А Берии надо было оценивать – остался полковник в советской Грузии волею случая или по чьей-то более конкретной и определенной воле?

Но и у Паустовского мы находим строки о «встревоженном войной и междоусобицей» Кавказе, прямо касающиеся задач Берии: «На любом повороте горной дороги можно было получить пулю в спину... Успокоение приходило на Кавказ медленно, исподволь, только с приходом Советской власти».

А «карающим мечом» Советской власти на Кавказе была ГрузЧК. И в Тифлисе чекисту Берии надо было работать не менее напряженно, чем в Баку. К тому же он – член бюро партийной ячейки и член Тифлисского Совета рабочих и солдатских депутатов.

«Принимая во внимание всю серьезность работы и большой объект, – писал Берия, – отдаю таковой все свои знания и время, в результате в сравнительно короткий срок удастся достигнуть серьезных результатов, которые сказываются во всех отраслях работы: такова ликвидация бандитизма, принявшего было грандиозные размеры в Грузии, и разгром меньшевистской организации и вообще антисоветской партии, несмотря на чрезвычайную законспирированность».

Литературному стилю Берии далеко до совершенства, но он ведь приехал в Тифлис не за материалом для новых книг. И не без законной гордости он напоминает, что уже первые результаты его деятельности *«отмечены Центральным Комитетом и ЦИКом Грузии в виде награждения... орденом Красного Знамени...».*

Начинается длительный тбилисский период жизни и деятельности Берии, который закончится в 1938 году переводом его в Москву.

Однако жизнь Лаврентия Берии могла бы сложиться и иначе – если бы ЦК Грузии дал ход тому заявлению в форме автобиографии, которое я уже неоднократно цитировал прямо или использовал в своем рассказе.

Ведь это было, уважаемый читатель, именно заявление с некой просьбой.

И пожалуй, именно сейчас, когда мы подошли к 1923 году, уместно привести конец «автобиографии» Берии, где это заявление и сформулировано.

Вот о чем просил Берия старших партийных товарищей:

«За время своей партийной и советской работы, особенно в органах ЧК, я сильно отстал как в смысле общего развития, так равно не закончив свое специальное образование. Имея к этой отрасли знаний призвание, потратив много времени и сил, просил бы ЦК предоставить мне возможность продолжения этого образования для быстрейшего его завершения. Законченное специальное образование даст возможность отдать свой опыт и знания в этой области советскому строительству, а партии – использовать меня так, как она это найдет нужным.

1923 г. 22/X (подпись)».

О поразительной и показательной сути этой просьбы уже писали Юрий Мухин, Елена Прудникова, и даже Николай Зенькович в книге «Маршалы и генсеки» издания 1997 года спросил: «Вам симпатичен этот молодой человек? Нравятся его душевные порывы, стремление учиться, приобрести знания, строить новую жизнь?»

Зенькович сам же и ответил на свой вопрос: «Мне, например, такие качества весьма по душе!»

Однако «кремлевед» Зенькович не был бы тем, кто он есть, если бы сразу после этого не задал уже другой вопрос: «Откуда же тогда появился дьявол, тиран, палач, имя которого сродни проклятью?»

Точный-то ответ, вообще-то, таков: «Да из-под пера таких, как Николай Зенькович».

Но я не уверен, что читатель уже сейчас так вот со мной и согласится – ведь моя книга еще далеко не закончена и читателю еще предстоит познакомиться с многими фактами и аргументами, чтобы вынести окончательный приговор и оценкам автора, и герою его книги.

ПОЭТОМУ я продолжу накопление аргументов и скажу вот что...

Это заявление датировано 22 октября 1923 года. И написано оно в Тбилиси. И отдано в ЦК – четыре листа этого удивительного документа находятся в личном деле Берии.

Так мог ли он в подробном заявлении партийному и чекистскому руководству Грузии в 1923 году «вешать лапшу на уши» о событиях, происходивших в Грузии же в 1920 году? А также – и в Азербайджане.

Он ведь писал это для прочтения непосредственными и хорошо информированными участниками (и даже более того – организаторами) этих событий. Так мог ли он лгать, что-то выдумывать?

Можно ведь было коротенько «изложить», в общих чертах... Мол, боролся, боролся, дорогие товарищи, но вот малость образование подзапустил... Отпустите, мол, учиться. Просьба для тех лет, да от молодого партийца, не такая уж и необычная.

А Берия все расписал подробно. Зачем? Для похвалы?

Не думаю. Он написал это для того, чтобы старшим товарищам стало понятно – он всю свою, пока еще недлинную, жизнь хотел стать образованным человеком, и не просто так, а инженером, строителем, архитектором, а приходилось заниматься иным.

А учиться хочется... А партии и народу он уже и так немало послужил там, куда его *направляли*.

Так дайте мне возможность, товарищи, выучиться тому, чего хочется! А потом я готов продолжать служить партии и народу. Но служить там, где мне служить хочется самому!

Вот почему это заявление было написано так подробно, и вот почему оно было написано вообще – он еще раз попытался заняться любимым делом.

Однако и эту просьбу молодого чекиста партия и руководство ГрузЧК не удовлетворили. Берия нужен был там, где уже был – на конкретной и непростой чекистской работе.

Именно там он надолго и остался.

УСТАНОВЛЕНИЕ Советской власти на Кавказе повернуло ситуацию в совсем иное русло. И 12 марта 1922 года на полномочной конференции представителей Центральных Исполнительных Комитетов Грузии, Азербайджана и Армении была учреждена Закавказская Федерация – федеративный союз трех советских республик Закавказья.

Идее Федерации противились не только «записные националисты», но и немало национальных большевистских лидеров. Мдивани, Думбадзе, Кавтарадзе, Окуджава, Цинцадзе в Грузии, Ахундов, Гусейнов, Ханбудагов в Азербайджане считали, что каждая республика должна сохранить свою армию, иметь свою валюту, пользоваться свободой внешней торговли и обладать партийной автономией от ЦК РКП(б) и Кавказского бюро ЦК.

Забегая вперед, скажу, что почти все из вышеперечисленных «большевиков» были в 1938 году репрессированы, но причина была не в Берии и Сталине, а в политической деградации их оппонентов, о чем еще будет сказано позже.

Вариант Федерации был разумен, и 13 декабря того же 1922 года на 1-м Закавказском съезде Советов в Баку Федерация была преобразована в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику.

30 декабря ЗСФСР объединилась с РСФСР, УССР и БССР в единое союзное государство – Союз Советских Социалистических Республик.

В Закавказье началось восстановление разрушенного и строительство нового. И это хозяйственное строительство надо было охранять от диверсий и саботажа извне и внутри страны. И чем спокойнее становилось в Закавказье, тем сложнее была работа по обеспечению этого спокойствия.

Борьба не прекращалась, она всего лишь видоизменялась. И ее, как правило, скрытый от постороннего взгляда характер лишь усложнял ситуацию.

За кордон эмигрировали многие из верхушки тех же меньшевиков – Жордания, Мгеладзе, Церетели...

Многие их сторонники остались в Грузии, но ко всем ли из них была применима оценка «бывшие сторонники»?

К партии начинали «примазываться» карьеристы, и в нее же шли с подрывными целями скрытые враги.

Я напомним читателю, что писатель Ширван-Заде говорил о Красной Армии: «Она вырвала из рук кавказских крестьян ружье и вложила в них серп, вырвала из рук пролетариата кинжал, вложив в них молот. И пролетариат, весь народ постепенно понял это и бросил оружие».

Но оружие бросили не все. И уж тем более не все разоружились идейно и морально. И зампред ГрузЧК молодой Берия полностью уходит в чекистскую работу.

Впрочем, сказать так – значит сказать очень мало. Ведь тогда сложно было одним словом или парой слов описать – что же это такое: работа ЧК.

Гражданская война закончилась, и теперь задачи чекистов серьезно менялись. Органам ВЧК – ГПУ – ОГПУ приходилось теперь заниматься сразу таким количеством проблем, что можно было голову...

Нет, голову терять чекистам ни при какой загрузке не позволялось. Тем не менее голова-то была одна, а дел...

Дел было много, и дел – разных. Противодействие прямой, организованной, нелегальной контрреволюционной деятельности – это само собой. Но кроме этого – и хозяйственные, и экономические проблемы, и культурные, и даже – спортивные...

А в национальных республиках – еще и национальные проблемы. Причем конкретно в Закавказье все это окрашивалось в особо специфические политические и общественные тона.

В 1910 году Сталин опубликовал два очень содержательных и метких «Письма с Кавказа» – «Баку» и «Тифлис».

В письме «Тифлис» он писал:

«В смысле развития промышленности Тифлис представляет прямую противоположность Баку. Если Баку интересен как центр нефтяной промышленности, то Тифлис может быть интересен лишь как административно-торговый и «культурный» центр Кавказа. Всех промышленных рабочих в Тифлисе около 20 тысяч, т. е. меньше, чем солдат и полицейских. Единственное крупное предприятие – мастерские железных дорог (около 3500 рабочих). В остальных предприятиях по 200, 100 и большей частью по 40–20 человек. Зато Тифлис буквально заполняют торговые заведения и связанный с ними «торговый пролетариат»... Этим... и объясняется, что меньшевизм... так долго продержался в Тифлисе. То ли дело в Баку, где резко классовая позиция большевиков находит живой отклик среди рабочих!»

Но Берия работал теперь не в Баку, а как раз в Тифлисе, где классовая опора для Советской власти и ее спецслужб была менее массовой. И в Тифлисе же был особенно развит меньшевистский и буржуазный национализм.

Россия, которую неумно называли «тюрьмой народов», веками была скорее крепостью, за стенами которой многие народы смогли сохранять если не свою национальную государственность, то – национальную самобытность, что, пожалуй, важнее. И самые яркие примеры здесь – это Грузия и Армения.

Вряд ли они сегодня, в XXI веке, хоть в какой-то форме существовали бы, если бы не Русское государство, если бы не Россия, к которой веками жались грузины и армяне. Причем то, что сегодня называют «Грузией», собрано вокруг Тбилиси к первому десятилетию XIX века усилиями русской политики вопреки стремлениям Турции и Ирана жестко закабалить эти земли.

Тем не менее в 1832 году был раскрыт дворянский заговор, имевший целью отторжение Грузии от России... Грузин Иосиф Джугашвили, ставший известным под политическим псевдонимом Сталин, писал об этом: «Грузинское дворянство... считая «простое подданство» умалением своего достоинства, пожелало «освобождения Грузии»... Это движение... не стяжало себе славы ни одним фактом...»

Еще бы! Ведь в случае успеха заговора под острый турецкий нож пошли бы не только картлийские крестьяне, но и владетельные князья. Но могут ли любые националисты – во все времена – видеть дальше собственного спесивого носа?

Они и не видели! И стремление отложиться от России у грузинской «демократической» «интеллигенции» было сильно еще в дореволюционные времена. Лидер будущих меньшевиков Ной Жордания в 1893 году на первом собрании марксистской группы в Грузии предлагал учредить не социал-демократическую, а национал-демократическую партию. И не случайно, что именно в Грузии оказались очень сильны меньшевики. Меньшевистская партия имела в Грузии *десятки тысяч* членов.

Общее же количество большевиков в Грузии не превышало *двух тысяч* — до установления Советской власти. Зато менее чем через год после ее установления, в 1922 году, в Компартии Грузии было уже 18 821 человек!

Вскоре прошла чистка, и чуть ли не половина состава была исключена как примазавшиеся и чуждые элементы. Осталось 10 816 человек, но в 1927 году в ГКП(б) было уже 32 712 членов. Но сколько среди этих трех десятков тысяч членов было настоящих большевиков, сказать было невозможно.

А ведь состав закавказской политической «окрошки» скрытыми грузинскими меньшевиками не ограничивался. Вполне реальным фактором дестабилизации, террора и саботажа были ушедшие в подполье монархисты, сепаратисты, армянские дашнаки, азербайджанские мусаватисты.

И кроме этого – для полного «джентльменского набора» – агенты Англии (как же без них на тогдашнем Кавказе и в Закавказье!), Турции и Персии (Ирана). Да и посол США Смит, уходя из Тифлиса, кого-то да в Тифлисе и оставил.

Нельзя было забывать и о германской агентуре – как разведывательной, так и агентуре влияния. Ведь немцы, особенно в Закавказье, весомо присутствовали давно. Рихард Зорге был уроженцем не Лейпцига, а Баку! Именно там в 1895 году в семье инженера германской нефтяной фирмы Адольфа Зорге, занимающего двухэтажный дом в Аджиенте, неподалеку от бакинских промыслов, родился пятый ребенок. Но не все ведь немцы, уроженцы Аджиенте, вырастая, становились членами Коминтерна, как Зорге. Кто-то шел и в рейхсвер, в политическую разведку Германии.

И еще в Закавказье – как и везде тогда в СССР – хватало троцкистов.

Чем отличались они от большевиков? Прежде всего тем, что видели в СССР базу мировой революции. Стоит ли, мол, укреплять СССР, заявляли они, если без «мирового пожара» он все равно обречен?

Сталин и его сторонники видели в СССР прежде всего новую Россию, способную в будущем – когда она станет могучей, развитой в экономическом отношении и непобедимой в военном отношении – повести за собой народы мира к разумной и справедливой жизни уже на всей планете.

Троцкисты были врагами России везде, а в Закавказье троцкисты были опасны еще и национализмом. Характерен в этом отношении пример Буду Мдивани. И характерен настолько, что на нем я подробно и останавлиюсь...

ПОЛИКАРП Гургенович (Буду) Мдивани родился в 1877 году, в партии – с 1903 года. Революционную работу вел в Кутаисе, Батуме, Тифлисе, Баку и других городах Закавказья. Неоднократно подвергался при царизме репрессиям. В 1921 году – председатель Ревкома Грузии. В 1922 году – член Президиума ЦК КП(б) Грузии. В 1924 году – торговый представитель СССР во Франции. С 1931 по 1936 год – председатель Высшего Совета народного хозяйства Грузии.

Казалось бы – все «О'К»?

Увы, нет!

Из таких, как Мдивани, в хрущевско-горбачевские времена «бойцы идеологического фронта ЦК» делали «когорту ленинской гвардии», но впервые имя Мдивани появляется в ленинской переписке 26 сентября 1922 года: «Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в «независимстве»)». Тогда Ленин и узнал впервые о существовании в природе этого якобы его «гвардейца».

Мдивани по форме был коммунистом, а по сути – удивительной смесью националиста и троцкиста (это только масло и уксус не смешиваются, а в политике нередко, пойдя налево, приходят направо).

В начале 20-х годов, как раз тогда, когда Берия был направлен в Грузию, Мдивани и его сторонники составляли в ЦК КП(б) Грузии большинство. **Большинство**, уважаемый читатель!

Фактически они тормозили хозяйственное и политическое объединение закавказских республик и добивались сохранения обособленности Грузии. Вначале группа Мдивани была вообще против образования СССР, а после того, как в октябре 1922 года Пленум ЦК РКП(б) принял решение о создании СССР, группа Мдивани стала добиваться непосредственного вхождения Грузии в союзное государство, а не через Закавказскую Федерацию.

В комментариях не где-нибудь, а к 54-му тому ленинского Полного собрания сочинений внятно сказано:

«Эта позиция Мдивани и его сторонников играла на руку буржуазным националистам, грузинским меньшевикам, и коммунисты Грузии на своих съездах, конференциях и собраниях партийного актива справедливо расценили ее как уклон к национализму...»

Но сколько было тогда в Грузии тех коммунистов? Так что Мдивани объективно становился очень привлекательной фигурой для всех антисоветских грузинских сил. Был он гож и для фанфаронистого Троцкого, уже тогда не терпевшего деловитого Сталина.

Через много лет после описываемых событий, когда в стране происходили уже другие, очень грустные события конца 80-х годов, писатель Феликс Чуев в своей книге «Так говорил Каганович» привел такой разговор с бывшим «железным наркомом» Сталина:

«Каганович: А что с Грузией происходит – кошмар!

Чуев: Грузинам нужна торговля напрямую с Западом. Конечно, простой народ от этого ничего иметь не будет.

Каганович: То, что Мдивани требовал при Ленине. И они хотят уйти от нас.

Чуев: Но абхазцы не хотят.

Каганович: Абхазцы не грузины».

Помня об этом диалоге, вернемся в год 1922-й. Закавказский краевой комитет РКП(б), которому были подчинены национальные ЦК, тогда возглавлял Серго Орджоникидзе. Он был твердым сторонником Союза, но он был и горячим человеком, и его конфликт с группой Мдивани приобретал тоже «горячий» характер. Причем партийная масса Грузии была на стороне Серго.

В октябре 1922 года группа Мдивани по прямому проводу обратилась в Москву с жалобой на Серго и «в знак протеста» подала в отставку. Возник так называемый «грузинский вопрос».

Я написал «с жалобой», но это была, похоже, не очень-то жалоба, потому что Ленин 21 октября направил в Тифлис шифровку, где было сказано:

«Удивлен неприличным тоном записки по прямому проводу за подписью Цинцадзе и других, переданной мне почему-то Бухариным (н-да! – С.К.), а не одним из секретарей Цека... Решительно осуждаю брань против Орджоникидзе и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение Секретариата ЦК РКП...»

25 ноября Политбюро приняло решение направить в Грузию комиссию во главе с Дзержинским для срочной выработки мер, «необходимых для установления прочного мира в Компартии Грузии».

Комиссия Дзержинского работала в Тифлисе примерно две недели (12 декабря Феликс Эдмундович доложил Ленину о результатах поездки), и работа ее проходила бурно. Достаточно сказать, что Орджоникидзе закатил одному из сторонников Мдивани пощечину. Сталин и Дзержинский отнеслись к этому спокойно, а Ленин очень возмущался. Но возмущался он все же зря – эта компания ничего другого не заслуживала!

И как раз в ноябре 1922 года Берия приезжает в Тифлис! Приезжает в разгар драки (как видим – даже в прямом смысле слова) между ленинцами настоящими и «ленинцами» в кавычках. И сразу же становится на сторону Сталина и Орджоникидзе...

Ты можешь представить себе, читатель, сколько на одном этом Лаврентий Берия сразу же заработал себе не то что недругов, а смертельных врагов!

Да что там! Поминаемый в шифровке Ленина Цинцадзе был тоже старым, с 1904 года, большевиком, при царе работал с Мдивани в Кутаисе, Батуме, Тифлисе, Баку. А после установления в Грузии Советской власти стал... членом ЦК Компартии Грузии, членом ЦИК Грузии и... председателем ЧК Грузинской ССР. То есть троцкист Цинцадзе (в 1927 году его исключили из партии) какое-то время был прямым начальником Берии!

Не завидую я Берии – с его-то принципиальностью!

Конфликт тогда внешне уладили, а на самом деле лишь загнали внутрь. И в 1928 году Мдивани был исключен из партии за троцкистско-оппозиционную деятельность. В 1931 году он якобы покаялся и был восстановлен, но в 1937-м его арестовали и приговорили к расстрелу.

И вполне за дело. Выслушав «расстрельный» приговор, Буду заявил:

«Меня мало расстрелять, меня четвертовать надо! Ведь это я, я привел сюда одиннадцатую армию, я предал свой народ и помог Сталину и Берии, этим вырождакам, поработить Грузию и поставить на колени партию Ленина».

Вот так! Не более, но и не менее.

НАСЧЕТ «партии Ленина» Мдивани ляпнул так – для эффекта. А вот его подлинное политическое (да и человеческое) лицо в этом последнем слове проявилось вполне отчетливо. И вряд ли оно будет выглядеть для тебя, уважаемый читатель, более привлекательно, когда придет время рассказа о том, какой к лету 1937 года была социалистическая Грузия и какой она стала в последующие ближайшие годы.

Между прочим, в 1922 году в группу Мдивани входил Сергей Иванович Кавтарадзе. Сын дворянина, закончил юридический факультет Петроградского университета в 1915 году. Как и Мдивани – большевик с 1903 года, с восемнадцати лет. Вел работу в Кутаисе, Батуме, Тифлисе, Баку, Петербурге, арестовывался. В 1919 году был направлен в Грузию – как и Берия – для подпольной работы, дважды арестовывался за «антиправительственную» деятельность. С мая 1920 года работал у Кирова – как и

Берия – в представительстве РСФСР в Тифлисе. В 1922–1923 годах – Председатель Совнаркома Грузии, в 1924–1928 годах – первый заместитель председателя Верховного Суда СССР. В 1927 году входил в троцкистскую оппозицию и в декабре 1927 года был исключен из партии XV съездом ВКП(б).

Восстановлен он был в партии только в 1940 году! Причем этот бывший активный троцкист благополучно, никуда не скрываясь, пережил «Большой террор», не арестовывался, не репрессировался, а в 1941 году его назначили заведующим Среднеазиатским отделом Наркомата иностранных дел СССР, потом – замнаркома. После войны он был послом в Румынии, в 1954 году вышел на пенсию и умер в 1971 году, восьмидесяти шести лет от роду.

Вот так! Уж, казалось бы, кому-кому было идти «под нож» «палача Берии», так это дворянину Кавтарадзе. И троцкист, и по подпольной работе «труса и предателя» Берию знал. Но Сергей Иванович просто перестал играть в политику, и трогать его не было нужды – не за что!

Такие, как Мдивани, Орахелашвили и прочие, все не унимались и склоничали, разводили семейственность и круговую поруку, капали на мозги, зудели... А Берия был твердым большевиком-сталинцем. И уже в двадцатые годы не устраивал многих даже в якобы большевистском кавказском лагере.

В помянутых выше «Письмах с Кавказа» Сталин отмечал «особую склонность» тифлисских большевиков к дискуссиям. Он объяснял это тем, что им в Тифлисе надо особенно упорно вести идейную борьбу с меньшевиками. Однако недаром же говорят, что посеешь привычку, пожнешь характер, а посеешь характер – пожнешь судьбу...

Привычка к словесным баталиям до революции обусловила склонность грузинского партийного, государственного и хозяйственного руководства 20-х годов к излишней болтовне вместо конкретных дел. То есть как раз к тому, чего не умел и не терпел Берия.

А кроме этих горе-«лидеров» имелись, как уже было сказано, притаившиеся меньшевики. Сталин их еще в 1907 году назвал «наши кавказские клоуны», чего тот же Ной Жордания («товарищ Ан») простить ему, конечно, не мог.

Жордания эмигрировал, но от политики не отошел. И чтобы читатель лучше представлял себе ориентацию Жордания, я сообщу, что этот «теоретик» рассуждал в начале XX века так: «Кто в Грузии является носителем прогресса? Армяне – это представители отсталого, реакционного, грабительского (торгового) капитализма. Русские – чиновники и землевладельцы, консерваторы. Европейцы – вот это прогресс, вот кто указывает грузинам путь к будущему».

Орган Жордания «Квали» («Борозда») помещал хвалебные жизнеописания Наполеона, Гладстона, Бисмарка... Особенно партия Жордания любила Британскую империю, и в 1919 году Жордания хвалился, что ведет-де пропаганду за нее уже 25 лет.

При эвакуации из Батума в Турцию «националистическое» правительство Жордания вывезло из Грузии, между прочим, весь запас хинина, нужный для малярийной (тогда) Грузии жизненно.

И теперь Жордания за границей желал Советской Грузии одного – смерти, как и его сторонники в самой Грузии. Одни готовили заговоры, другие – просто зудели... Однако и первые, и вторые не могли не попадать в поле зрения Лаврентия Берии и его ведомства. И за 1923 год из 31 банды, установленной чекистами на территории Грузии, 21 была уничтожена, в ходе боев 123 бандита были убиты, 377 захвачены живыми.

Отдельной «статьей» забот для Берии были дашнаки, перебравшиеся в свое время из уже советской Армении в еще меньшевистскую Грузию. В начале 1923 года основной костяк дашнакского актива в Грузии был арестован, включая весь состав их Тифлисского комитета. Из тайного склада в Ахалцихе были изъяты 11 пулеметов, 33 ящика гранат, 70 винтовок, 30 мешков артиллерийского пороха, 70 плит динамита, 500 пудов патронов...

Но основную боль составляли, конечно, грузинские контрреволюционеры.

ЗАНЯТНАЯ все же штука – судьба человека!

Как уж старались вырезать, вымарать, вытравить любое положительное слово о роли Берии в истории СССР! А правда о нем – пусть и без упоминания его имени – сообщалась не кем-нибудь, а «Политиздатом» даже в 1978 году, когда в Москве вышло второе издание монографии Давида Львовича Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР».

Да, если дела человека крупны и он служил Родине честно, то невозможно замолчать эти дела полностью. Так вот, одна из главок монографии называлась «Авантюра грузинских «паритетчиков»» и была посвящена работе Грузинской ЧК в 1922–1925 годах. Между прочим, даже когда по всему Союзу органы ВЧК были заменены органами ГПУ, в Грузии все еще продолжала работу именно *Чрезвычайная* комиссия по борьбе с контрреволюцией – вот какой сложной была там оперативная обстановка.

В сугубо документальной книге Голикова имя Лаврентия Берии даже не упоминается. Но о работе ГрузЧК, в которой начальник секретно-политического отдела и зампредседателя играл ведущую роль, рассказано ярко.

Вот я этим рассказом и воспользуюсь!

С 25 по 30 августа 1923 года в Тбилиси вполне легально состоялся съезд грузинских меньшевиков, делегаты которого представляли 11 235 членов партии. Съезд объявил о ликвидации партии, но еще до этого из нее вышло около 17 тысяч рабочих и крестьян. На стороне бывшего ЦК меньшевиков осталось примерно 2 тысячи человек, главным образом выходцев из дворянских и буржуазных кругов.

За границей было образовано «грузинское правительство в изгнании» во главе с Ноем Жорданием, Ноем Рамишвили и Ираклием Церетели.

В Грузии же представители пяти ушедших в подполье партий – социал-демократов (меньшевиков), национал-демократов, социалистов-федералистов, независимых социал-демократов и эсеров – заключили соглашение об учреждении «Комитета независимости». Называли его и «Паритетным комитетом», потому что пять партий договорились: после свержения Советской власти будет образована паритетная комиссия, и ни одна партия не сможет занимать в коалиционном правительстве более трети мест.

С арифметикой у «паритетчиков» было, как видим, плохо, ибо слово «паритет» происходит от латинского *paritas*, что означает «равенство», а пять третей в одно целое не помещаются.

Руководил «паритетчиками» прибывший для этого из-за кордона член ЦК партии грузинских меньшевиков, бывший министр земледелия Ной Хомерики (судя по количеству Ноев в своем руководстве, грузинские меньшевики вели свое происхождение прямо от праотца последнего поколения человечества).

ГрузЧК имела в лице «Комитета независимости» серьезного противника, но и комитетчики в лице ГрузЧК имели перед собой тоже далеко не рогатозеев. В 1924 году чекисты Берии арестовали Хомерики, членов меньшевистского ЦК Чхикишвили, Нодия и других.

У Чхикишвили обнаружили письмо Ноя Жордании, который наставлял «борцов» следующим образом:

«Русские цари только с Дагестаном вели борьбу более 30 лет. А сколько лет понадобится большевикам, чтобы вести борьбу не с одним Дагестаном, а с целым Закавказьем, легко представить. Перенос военной базы на Кавказский хребет и укрепление там всеми нашими вооруженными силами – залог нашей победы. Только в этом случае Европа обратит на нас серьезное внимание и окажет помощь».

Вот так, читатель! Эти благообразного вида негодяи, чествовшие Сталина варваром, готовы были превратить Закавказье в место постоянных военных действий, разоряющих край и приносящих страдания народу. Да они вскоре и попытались это сделать – в Грузии готовилось восстание.

Но меньшевистская авантюра уже была близка к краху. 6 августа 1924 года ГрузЧК арестовала эмиссара Жордании – Валико Джугели. Причем Берия повел себя с Джугели так, что тот убедился – и без его признаний грузинские чекисты имеют подробные данные о деятельности «Комитета независимости».

Далее же зампреда ГрузЧК Берия поступил благородно и в то же время расчетливо. И доказал при этом, что он понимает: кровь людская – не водица.

Казалось бы, если большинство нитей заговора у тебя в руках, то лучший способ выслужиться для карьериста – сразу же приступить к арестам, не считаясь с масштабами потерь, и чужих, и своих. Напротив, чем они больше, тем больший вес можно придать победе.

А Берия принимает предложение Джугели (не исключено, впрочем, что он сам это Джугели предложил) обратиться из заключения к лидерам готовящегося выступления с рекомендацией отказаться от – как он убедился – авантюры. Джугели не хотел напрасной крови. Но и Берия ее не хотел!

Письмо Джугели было опубликовано в советских грузинских газетах, и вот что он, кроме прочего, писал:

«Я испытал на себе страшное влияние воздуха Чека, и я понял, что вся сила этого воздуха состоит в том, что именно здесь ближе знакомишься с обратной стороной нашей работы, со всеми ее теневыми сторонами».

Джугели заявлял, что не малодушие и трусость привели его к отказу от борьбы, а безнадежность задуманного предприятия. Но ведь надо было суметь это Джугели доказать, убедить его. А чтобы убедить, надо было иметь убедительные доказательства. И секретно-политический отдел ГрузЧК их имел.

Однако заговорщики не вняли призыву Джугели, и 28 августа вооруженная группа князя Георгия Церетели захватила Чиатуру и образовала «Временное правительство Грузии». Были незначительные выступления в Сенакском, Себеринском, Зугдидском, Душетском уездах, в Гурии... Но уже к 31 августа 1924 года все было закончено при поддержке – в большинстве мест – самого населения. В Аджаристане на усиление охраны границы с Турцией пришло полторы тысячи крестьян.

4 сентября 1924 года работники ГрузЧК выследили и арестовали основной состав «Паритетного комитета» во главе с князем Коте Андроникашвили. Но, как чаще всего и бывает, ликвидация «головки» заговора не ликвидировала всех его участников.

И это вскоре выявилось весьма зримым образом.

ОСЕНЬЮ 1925 года Берия с группой чекистов на двух автомобилях возвращался по Военно-Грузинской дороге в Тифлис. На горном перевале их ждала засада. Берия ехал на первом автомобиле – так уж было в ЧК заведено с первых дней: первым рискует тот, кто старше всех по званию.

Один чекист погиб, два были ранены. Но Берия – это не моя оценка – «не потерял присутствия духа» и, отстреливаясь, прикрыл остальных.

Ну, к чему здесь, казалось бы, придраться? Герой, раненых товарищей не бросил, прикрывал огнем. Но клеветник всегда найдет, где укусить... И Антонов-Овсеенко по этому поводу «задумывается»: «Каким образом уцелел Берия, если ехал на первой машине, да еще отстреливался?»

Это «еще отстреливался» просто великолепно! По Овсеенко, получается, что если бы Берия не отстреливался, то шансов уцелеть у него было бы больше!

Абсурд?

Увы, не совсем... Это – та самая чудовищная ложь, когда лгут настолько тотально, что в ложь трудно не поверить. Если, конечно, не поступать в соответствии с рекомендацией Маркса: «Все подвергай сомнению».

Не «сомневайся во всем» – это ни к чему! Но все подвергай сомнению для того, чтобы после взвешенного анализа или принять что-то как факт, или отбросить как вымысел.

И как только мы поступим «по Марксу», все «подозрения» относительно инсценировки этой засады Берией рушатся тут же. В жизни не бывает инсценировок, где три человека в скоротечной ситуации получают реальные пули и где самому заказчику инсценировки в условиях гор запросто можно получить четвертую – просто шальную.

Нет, в то (да и только ли в то?) время по Берии стреляли реальные и жестокие враги. И эти враги по мере укрепления Советской власти лишь меняли формы борьбы, но от борьбы как таковой не отказывались. Поэтому Берии пришлось остаться чекистом, так и не «переквалифицировавшись» в архитекторы.

БУРЖУАЗНЫЙ общественный деятель и умеренный колчаковец И.И. Серебренников в эмиграции написал воспоминания, где есть откровенные признания...

«Начавшаяся национализация промышленных и торговых предприятий, – вспоминал он, – конфискация ценностей в банках и, главное, попрание всех свобод и права частной собственности углубляли море озлобления против захватчиков во всех кругах общества, кроме тех, которым нечего было терять (а таких в царской России было где-то процентов 70 с гаком. – С.К.)...

Большевистское «действие» порождало свое противодействие. Сопротивление большевикам выражалось в разных видах; главными из форм его выражения были пассивные методы борьбы, бойкот и саботаж...

В Иркутске, как и во многих крупных городских центрах России, многие служащие правительственных учреждений начали покидать свои места... Оставшиеся же... стали работать из-под палки... не обнаруживая никакого усердия и даже порою нарочито подрывая успех работы данного предприятия...

В Иркутске едва ли еще не в феврале 1918 года началась организация офицерства в тайный противобольшевистский отряд».

Так все начиналось... И не только, конечно, в Сибири, но и в Закавказье тоже. Разгром в Гражданской войне противников национализации промышленных и торговых предприятий, конфискации ценностей в банках и «попрания» права частной собственности на время снизил видимое противостояние старого, жадного и нового – человеческого... Но сразу же после того, как партия Сталина взяла курс на индустриализацию и коллективизацию, в стране началась новая Гражданская война озлобленного и весьма образованного меньшинства против большинства.

Велась она разными методами, и велась везде – начиная с тех мест, откуда в страну приходит солнце, с Приморья. И что там бурные 20-е годы! Забегая вперед, возьмем год 1933-й... На самом мощном в Приморье Путятинском консервном заводе суточное производство снизилось с 1000 ящиков консервов в сутки до 150–200. Часть экспортных консервов ежедневно доставлялась на свалки...

Во Владивостоке новый хлебозавод был «сдан» без бродительной камеры и другого необходимого оборудования...

В Дальневосточной Промышленной академии академики Мирохин и Ушаков открыто говорили о реставрации капитализма, а когда их исключили из академии, их сторонники устроили им пышные проводы, в которых участвовали студенты-коммунисты...

В колхозах Уссурийского района распускались слухи – комсомольцев будут живыми в землю закапывать. Кулаки заявляли: «Мы еще посмотрим, кто кого...»

В Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии тоже было неспокойно... Типичный пример из донесения Председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды Сталину от 4 мая 1933 года:

«Пом[ощник] по политчасти начсвязи тяжартдива 1 С.Д. Диванов, член ВКП(б), во время политзанятий при красноармейцах книгу «Вопросы ленинизма» называл молитвенником, законом божьим, нарисовал на ней Иисуса Христа и перед началом занятий произносил «Аллилуйя, аллилуйя...»

Возьмем места к Москве поближе – Центральный Казахстан, берега бухты Бертыс... Балхашстрой, Балхашский медеплавильный завод.

Программа капиталовложений 1-го квартала 1934 года сорвана, из 20 миллионов рублей за половину квартала освоено 316 500 рублей. Главный инженер Архиреев не был на площадке строительства два месяца. Помощник главного инженера Крайнее, бывший владелец медеплавильного завода, разложил инженерно-технических работников... Прибывающее оборудование не учитывается... Работы производятся без проектов и смет...

И это – не выдумки ОГПУ, уважаемый читатель, хотя данные взяты из спецсообщения заместителя Председателя ОГПУ Г.Е. Прокофьева Сталину от 20 марта 1934 года.

А вот уже и сама Москва, август 1931 года. Каганович жалуется Сталину:

«С заказом на нефтеналивные суда выяснилась безобразная картина сознательного затягивания и волокиты со стороны НКТорга, а между тем директива ПБ была совершенно ясная

– закупить на 250 т. суда не старше 25 года, затратив до 25 милл. рублей, а теперь приходится тратить валюту на фрахтование».

Читаешь о таких дикостях и не веришь, что из всех этих «волоки» страна смогла выбраться в считанные годы! Первая очередь того же Балхашского завода была сдана в 1938 году. В 1950 году в тех местах, где раньше ничего не росло, цвел ботанический сад, на орошаемых землях вызревали вкуснейшие арбузы и помидоры...

И Владивосток к концу тридцатых имел иной вид. И общее настроение активной части народа к 1938-му, а тем более – к 1941 году, изменилось неузнаваемо. Переворот произошел, повторяю, в считанные годы!

А ведь одна из причин этого – жесткая репрессивная политика большевиков, в те же считанные годы сумевших жестко отделить в народной массе «плевелы» от «зерна» в интересах самой народной массы! И пора это понять!

Да разве во имя умной и изобильной жизни народа помощник по политчасти начсвязи тяжартдива 1 С.Д. Диванов, пробравшись в ВКП(б), вел в войсках антикоммунистическую пропаганду?

Разве главный инженер Балхашстроя Архиреев, разваливая строительство, делал это во имя могучей и независимой России?

А чекист Берия служил такой России, которая под руководством партии Сталина на глазах всего мира преобразовывала себя в первоклассную мировую державу.

БЕРИЯ работал много и хорошо. Еще в 1924 году тогдашний 1-й секретарь Закавказского крайкома Александр Мясников (Мясникян) дал ему весьма лестную характеристику и отметил, что «Берия – интеллигент... заявил себя в Баку как способный чекист...».

Мясников, большевик с 1906 года, был старше Берии на тринадцать лет, в 1911 году окончил юридический факультет Московского университета и, отслужив год в армии вольноопределяющимся, до 1914 года был помощником присяжного поверенного в Москве (с 1914 года на фронте, прапорщик). Я это все к тому, что Мясников сам был вполне интеллигентным, развитым человеком. И то, что он оценил не только чекистские качества Берии, но и его интеллигентность, говорит само за себя.

Причем надо подчеркнуть и еще один момент, о котором как-то забывают. И в АзЧК, и в ГрузЧК, а потом – в ГПУ Грузии Берия был не просто заместителем председателя, а еще и начальником СПО – секретно-политического отдела. Иными словами – ведал разведкой. А разведка, как известно, дело тонкое, и малообразованных невежд к ней стараются не подпускать.

Сам Берия, однако, постоянно ощущал нехватку настоящего образования и в мае 1930 года писал Орджоникидзе:

«Дорогой Серго, не один раз я ставил перед Вами вопрос о моей учебе. Время проходит, кругом люди растут, развиваются, и те, которые еще вчера были далеко от меня, сегодня ушли вперед. Известно, что безбожно отстаю. Ведь при нашей чекистской работе не успеваем зачастую даже газету прочесть, не то что самообразованием заняться...»

Возможно, когда он писал эти строки, Берия думал и о блондинке с голубыми глазами – жене Нино, которая закончила экономический факультет университета, готовила диссертацию. От него это все было в 1930 году далеко так же, как в 1922-м, в 23-м... И он с горечью замечал:

«Дорогой Серго! Я знаю, Вы скажете, что теперь не время поднимать вопрос об учебе. Но что делать... Чувствую, что больше не могу...»

Берии в это время пошел всего тридцать второй год, и он был председателем ГПУ Грузии и заместителем председателя ГПУ Закавказской СФСР.

И, даже занимая такие посты, хотел учиться. Хотя не исключено, что теперь он, если бы получил возможность выбора профиля образования, выбрал бы не архитектурный факультет, а, скажем, Промышленную академию, готовящую кадры хозяйственных руководителей.

Берия ведь всегда имел задатки блестящего руководителя и крупного организатора. И до своего приезда в Грузию, и после отъезда в Москву он на всех занимаемых им постах обнаруживал очевидную компетентность и даже сверхкомпетентность.

Сверхкомпетентность – понятие разнообразное. Подтверждение сверхкомпетентности спортсмена – мировой рекорд. Композитора – «Лунная соната»... Писателя – «Война и мир»...

А что значит быть сверхкомпетентным руководителем? Работать по четырнадцать часов в сутки? Не спорю, это – тоже. Уметь дать конкретное указание или совет, уметь принять верное и быстрое решение, а не осуществлять «общее вмешательство в дела подчиненных»? И это – тоже... Как и умение видеть проблемы в целом, умение видеть перспективу.

Но сверхкомпетентный руководитель – это, прежде всего, умелый подбор кадров и умение нейтрализовать угрозу их деградации. Говорят, что короля «играет» окружение. Верно! Но для того чтобы быть сильным, король должен обладать компетенцией в деле подбора такого окружения, которое само по себе сильно и незаурядно.

На посту зампреда ГПУ Закавказья Берия не обладал абсолютными возможностями формирования идеальной «команды», но он – тут сомнений быть не может – относился к этому ответственно и заинтересованно. То есть – компетентно.

И явно не рисовался, когда писал Орджоникидзе в Москву:

«Мой уход на работе не отразится. Аппарат Груз. ГПУ и в центре, и на местах налажен и работает настолько четко, что любой товарищ, который возглавит его после меня, справится с положением.

Аппарат Аз ГПУ в центре тоже налажен. Укрепляется теперь и аппарат Арм. ГПУ путем переброски туда новых работников».

И этот крепкий аппарат «в центре и на местах», налаженный Берией, мог проводить чекистскую работу спокойно, планомерно и тоже компетентно. В Закавказье при Берии не было штурмовщины и «ударных кампаний». Говоря спортивным языком, стабильно высокие результаты были обеспечены упорными и ежедневными «тренировками».

К слову, о спорте.

Для чекиста хорошая физическая форма – одно из обязательных качеств компетентного профессионала. А Берия, как я сказал, мог уже в закавказский период деятельности претендовать на сверхкомпетентность – не в спорте, конечно. И раз так, то в чекистских органах Закавказья к физическому развитию сотрудников должны были относиться с должным вниманием.

Так и было, потому что личный пример здесь подавал сам зампред Закавказского ГПУ. Скажем, в футбол он играл так, что в начале 20-х годов выступал за тбилисское «Динамо», и, когда в Тифлис приехала сборная Москвы, он играл левым полузащитником против самого Николая Старостина (этот спартаковец еще будет упомянут позднее).

Собственно, высоким уже в тридцатые годы уровнем грузинский футбол не в последнюю очередь обязан Берии... И уж точно ему город Тбилиси был обязан прекрасным республиканским стадионом, не случайно названным так же, как чекистское спортивное общество – «Динамо», и не случайно носившим имя Берии до лета 1953 года.

ИТАК, в начале 30-х годов в чисто чекистской работе в Закавказье Берия был компетентен и во многом самостоятелен. Однако общее руководство жизнью Закавказья в прерогативы Берии тогда не входило. Этим занимались «старшие товарищи», чаще всего не имевшие, мягко

говоря, высокой деловой, а к тому времени – и политической, компетентности. Они заваривали политические «каши», а расхлебывать их приходилось нередко чекистам. Вышло так, например, и с коллективизацией в Закавказье.

Вокруг событий «Великого перелома» в жизни крестьянства и в его массовом сознании сегодня создан ряд гнусных мифов, и это – тоже одна из примет небывалого доселе Мутного времени на Руси. Разоблачение таких мифов выходит за рамки моей книги, но кое-что тут сказать надо.

Неоднократно и необоснованно осмеянная «демократами» «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», изданная Госполитиздатом в 1945 году, сообщала:

«Политика ликвидации кулачества, как класса, была закреплена в историческом постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству...»

Были установлены различные темпы коллективизации. ЦК ВКП(б) разбил области СССР с точки зрения темпов коллективизации на три группы.

К первой группе были отнесены важнейшие зерновые районы, наиболее подготовленные к коллективизации, имевшие больше тракторов, больше совхозов, больше опыта в борьбе с кулачеством в прошедших хлебозаготовительных кампаниях, – северный Кавказ (Кубань, Дон, Терек), средняя Волга, нижняя Волга. Для этой группы зерновых районов ЦК предлагал закончить в основном коллективизацию весной 1931 года.

Вторая группа зерновых районов, куда входили Украина, Центрально-Черноземная область, Сибирь, Урал, Казахстан и другие зерновые районы, могла закончить в основном коллективизацию весной 1932 года.

Остальные области, края и республики (Московская область, Закавказье, Среднеазиатские республики и т. д.) могли растянуть сроки коллективизации до конца пятилетки, то есть до 1933 года».

Как видим, Москва и Сталин были вполне реалистичны и в целом верно и группы выделили, и сроки назначили. Но сработало два фактора: желание «мест» отпартовать поскорее, а в еще большей мере – скрытые троцкистские провокации. Так, Московская область стала ориентироваться на завершение коллективизации уже весной 1930 года (вместо директивного срока – конец 1933 года). А одной из причин было то, что 1-м секретарем Московского комитета ВКП(б) был Карл Бауман, в апреле 1937 года арестованный как троцкист.

В 31-м же году Баумана просто заменили Лазарем Кагановичем, сделав 1-м секретарем Среднеазиатского бюро ЦК (вот как еще сильны были тогда в партии скрытые оппозиционеры). И к концу 1931 года в Московской области уровень коллективизации достиг отметки всего в 37,5 % крестьянских хозяйств.

В Закавказье были допущены еще более грубые «перегибы». Хотя там за этой стандартной формулой намного чаще, чем в других районах, стояли не только «процентомания» и противодействие оппозиционеров, но также замаскированная внутренняя контрреволюция и подрывная деятельность извне.

Вот часть записки председателя Закавказского ГПУ С.Ф. Реденса и начальника секретно-оперативного отдела Л.П. Берии, направленной 11 марта 1930 года первому заместителю председателя ОГПУ Г. Г. Ягоде по прямому проводу:

«Сов. секретно

Москва, ОГПУ – тов. ЯГОДА

В результате недостаточного охвата огромного числа вновь созданных колхозов, допущенных перегибов, внутриколхозных недочетов и общей активизации антисоветских и кулацких сил усилились массовые антиколхозные выступления, принимающие политическую

окраску, брожением охвачен ряд районов... Идет стремительный распад колхозов, сопровождающийся в ряде случаев разгромом Сельсоветов, избиением и изгнанием парткомсомольцев и совактива. Имевшие место выступления до сих пор ликвидировались мирными средствами и уговорами и лишь в редких случаях демонстрацией и незначительной войсковой силой, инициаторов и непосредственных участников разгромов и насилий за небольшим исключением не арестовывали... все это истолковывалось населением как признак слабости власти и способствовало еще большему обнавлению выступавших под влиянием антисоветских сил...

Особо напряженное положение создалось в Тюркских районах. В Ведибасарском районе Эриванского округа ушло в горы вместе с семьями до 250 человек, из них вооруженных до 150 человек. Ушедшие повели широкую агитацию в окрестных селах и вербовку сторонников. Для ликвидации выступления, принявшего широкий характер, пришлось направить войсковую группу численностью до 30 штыков. Последующие переговоры не дали результатов, поэтому 11 марта начнутся оперативные действия.

В остальных Тюркских районах Армении, а также в отдельных приграничных Тюркских селах Грузии – отмечается сильное переселенческое движение – бегство в Турцию. По Грузии и Армении, а в особенности по Азербайджану, перешли на нелегальное положение и скрываются с оружием группы кулаков, за их счет значительно пополнились существующие банды...»

А создавали такую конфликтную ситуацию те самые «старые большевики», те «жертвы Сталина и Берии», о которых льют слезы нынешние либералы и «демократы». Создавали и по левацким заблуждениям – Сергей Кавтарадзе, например, был искренним сторонником жесткой политики. Создавали и злонамеренно – для дискредитации «режима Сталина». Ведь если верить не кому-нибудь, а Антонову-Овсеенко (а тут ему верить можно!), в среде тогдашнего грузинского руководства «помнили еще мнение старой гвардии социал-демократов: Ной Жордания называл Сталина не иначе как «варваром».

И «признанные большевики» Миха Цхакая, Филипп Махарадзе, Шалва Элиава, Мамия Орахелашвили – по свидетельству Овсеенко – недоумевали: «Какой же это вождь?»

Ну, 65-летний (в 1930 году) долгожитель Цхакая (умер он в 1950-м), председатель ЦИК ЗСФСР, был фигурой уже по преимуществу представительской – как Калинин в Москве.

Сменивший Цхакаю на посту председателя ЦИК ЗСФСР в 1931 году 63-летний (в 1931 году) Филипп Махарадзе (умер в декабре 1941 года в Тбилиси) был бойцом из той же почтенной седовласой когорты перманентно брюзжащих патриархов.

А вот 47-летний (в 1930 году) председатель Совнаркома Грузии Шалва Элиава, бывший наркомвоенмор Грузии, вместе с 1-м секретарем Закавказского крайкома 49-летним Мамией Орахелашвили не столько брюзжали, сколько действовали. Ведь и для них почти их ровесник Сталин, которому в 1930 году исполнился всего 51 год, был не очень-то вождем. В отличие, надо заметить, от «старого революционера» Троцкого.

Эти, привыкшие к кавказскому куначеству и междусобойчику, «генацвале» уже тогда мешали нормальному социалистическому строительству в Грузии, и их конфликт с курсом «варвара» Сталина был неизбежен. Поэтому был неизбежен их конфликт и с Берией.

В XIX веке французский историк Жюль Мишле сказал: «Чувствительные люди, рыдающие над ужасами революции, уроните несколько слезинок и над ужасами, ее породившими».

А в начале XXI века да позволено будет сказать мне самому: «Бесстыжие фальсификаторы, рыдающие крокодиловыми слезами над ужасами (я не иронизирую!) репрессий, уроните несколько слезинок и над гнусностями, провокациями и амбициями, их породившими».

Ведь они были, уважаемый мой читатель, и провокации, и амбиции...

БЕРИИ в марте 1930 года исполнился тридцать один год. Еще не возраст Христа, однако...

Распираемые самомнением и амбициями Мдивани, Орахелашвили, Элиава с братьями Окуджавами заваривали конфликты, а Берии приходилось предпринимать «оперативные» действия по их ликвидации.

А это ведь не вечерние посиделки. Это – штыки войсковых групп, аресты инициаторов выступлений и подстрекателей, аресты и простых крестьян, ликвидация бандгрупп, пулеметы, винтовки, патроны и гранаты...

Это – кровь. И своя, и чужая, которая хотя и чужая, но тоже – кровь. И это, конечно, утомляло.

Ведь на чекистском фронте настоящий чекист получал не только заслуженные пули врага, но и незаслуженные плевки пусть невежественных и обманутых, пусть не умеющих заглянуть в будущее, но – своих же сограждан. Да и – не только невежественных... А пожалуй, и не столько невежественных, сколько вполне образованных, ибо наиболее злобно и неистребимо невежество высокообразованных невежд.

Записка Реденса и Берии в Москву о ситуации с колхозами датирована мартом 1930-го. А в мае Берия пишет Орджоникидзе то письмо, которое я уже частично цитировал. И в нем есть показательные для тогдашнего психологического состояния Лаврентия строки. Обосновывая перед Орджоникидзе возможность своего направления на учебу, Берия писал:

«Я думаю, что мой уход из Закавказья даже послужит к лучшему. Ведь за десять лет работы в органах ГПУ в условиях Закавказья я достаточно намозолил глаза не только всяким антисоветским и контрреволюционным элементам, но и кое-кому из наших товарищей. Сколько людей будут прямо-таки приветствовать мой уход, настолько я им приелся своим постоянным будированием и вскрыванием имеющихся недочетов. Им хотелось, чтобы все было шито-крыто, а тут, извольте радоваться, кругом недочеты и ляпсусы...

Со мной начинают связывать все истории, которые когда-либо были в Грузии и вообще в Закавказье... В умах многих товарищей я являюсь первопричиной всех тех неприятностей, которые постигли товарищей за последнее время, и фигурирую чуть ли не как доносчик».

Что ж, всесторонняя оценка ситуации и руководства «на местах» входила в прямые служебные обязанности Полпреда ОГПУ Закавказья. А Лаврентий Берия своими обязанностями не пренебрегал никогда.

Да и другим этого не позволял.

Таких не любят ни во многих «курилках», ни уж тем более в большинстве начальственных кабинетов. Ведь для обратного требуется, чтобы сам хозяин кабинета был деятельным лидером, главное «хобби» которого – его дело, занимающее двадцать четыре часа в сутки, а не положенные «присутственные» часы.

Именно таким лидером был Ленин. Сталин – тоже... Ленин, по словам меньшевика Дана, думал всегда об одном, о социалистической революции. Сталин тоже думал об одном – о строительстве Державы для трудящихся.

А были ли на это способны «старые партийные интеллигенты»? Особенно в Тифлисе – с его не выветрившейся за годы Советской власти атмосферой «княжеского» барства в среде властей предрежащих!

Не думаю.

И настроение Берии, прорвавшееся в письме к Орджоникидзе, можно было понять... Да куда угодно – лишь бы от этих партийных «князей» подальше! Тем более что по всей стране начинается первая пятилетка, начинается грандиозное социалистическое строительство.

Строительство! Для Берии это слово всегда было притягательным, он ведь и по образованию был строителем! И хотел строить... А для этого хотел получить уже фундаментальное, высшее образование.

Орджоникидзе был в это время кандидатом в члены Политбюро (вскоре он станет полноправным его членом), председателем Центральной Контрольной комиссии ВКП(б), наркомом рабоче-крестьянской инспекции СССР, заместителем Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны. С 10 ноября 1930 года он возглавил Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ).

И все эти обстоятельства позволяют нам предполагать, что Берия надеялся – подучившись, попроситься к Серго на хозяйственную работу (не знал Лаврентий тогда, что этой работы в годы войны у него будет выше завязки).

Но эпохе Берия был нужен пока не в народном хозяйстве, а в чекистском ведомстве. И вот тут я приведу извлечения из лишь упоминавшегося мной ранее приказа от 30 марта 1931 года председателя ОГПУ Менжинского № 154/93:

«30 марта 1931 г.

Секретно

Гор. Москва

21 марта исполнилось 10 лет существования и героической борьбы органов ГПУ Грузии...

Трудная была работа ГПУ Грузии, много славных бойцов выбыло из строя, но и достижения огромны: разгромлена меньшевистская партия Грузии, одна из наиболее мощных и организованных антисоветских партий в СССР, изъяты десятки составов ее ЦК, сотни местных комитетов, тысячи членов актива; разгромлены линии связи, и в результате 80-ти тысячная партия меньшевиков, имевшая поддержку интервентов и всего 2-го Интернационала, сведена до положения жалкой группы контрреволюционеров, разоблаченных перед трудящимися массами.

Также разгромлены и сведены на нет крупные в свое время антисоветские буржуазные партии национал-демократов и социалисте в-федералистов.

Разгромлен бандитизм...

Коллегия ОГПУ с особым удовлетворением отмечает, что вся эта огромная напряженная работа в основном проделана своими национальными кадрами, выращенными, воспитанными и закаленными в огне боевой работы, под бессменным руководством тов. Берия – сумевшего с исключительным чутьем, всегда отчетливо ориентироваться и, в сложнейшей обстановке, политически правильно разрешая поставленные задачи... в то же время личным примером заражать сотрудников и, передавая им свой организационный и оперативный навыки, воспитывать их в безоговорочной преданности Коммунистической партии и ее Центральному Комитету...

Председатель ОШУ В. Менжинский».

Что тут можно сказать?

Очернители Берии иногда намекают, что, мол, фактически приказ готовил заместитель Менжинского Ягода, поскольку, мол, сам председатель ОГПУ тогда уже «серьезно болел». Но в то время Менжинский (умер он в 1934 году) интеллектуально был еще вполне «в форме».

Так что – соратник Держинского Менжинский, опытный партиец и чекист, не мог разглядеть в реальном масштабе времени карьеристские, бонапартистские, «грязные» стороны натуры Берии – если бы они у председателя ГПУ Грузии присутствовали?

Что – Менжинский и высшее руководство ОГПУ было слепо и не желало обращать внимание на те «горы компромата», которые имелись – если верить упомянутому «антибериевскому» сборнику 1991 года – где угодно, даже в Ростовском отделе ГПУ.

«Нет», – отвечают «демократические» «историки» и «публицисты». И утверждают, что руководство ОГПУ времен Менжинского – Ягоды, а затем НКВД времен Ежова так-де боялось «палача» Берию, пользовавшегося покровительством-де другого «кровавого палача» – Сталина, что и подумать не могло об изгнании «проходимца» и «provokatora» из чекистской среды и о достойном его наказании. И, боясь, нахваливало Берию и нахваливало.

Итак, в наше повествование входит тема «Сталин и Берия». Что ж, посмотрим, как и когда впервые столкнулись вместе эти два «палача»...

Глава 7

Переписка Сталина и Кагановича

5 августа 1931 года последним подпунктом (подпункт «п») пункта 2-го Постановления Политбюро «О кадрах и деятельности ОГПУ» полномочный представитель ОГПУ Закавказья т. Берия был утвержден членом коллегии ОГПУ.

Решение Политбюро – это акт, который мимо Сталина пройти не мог, и все фамилии, фигурировавшие в таких документах, так или иначе входили в круг внимания Сталина.

Входил в этот круг и Берия, и, конечно же, не с 5 августа 1931 года. Но до начала 30-х годов контакты Сталина и Берии не могли быть ни частыми, ни доверительными.

В 20-е годы Сталин отдыхал (если можно назвать отдыхом всего лишь временное выпадение из совсем уж чертовой круговерти в режим относительно спокойной работы) в районе Сочи. А это – Краснодарский край, Северный Кавказ, и делать там грузинским чекистам было нечего.

И лишь когда Сталин стал предпочитать абхазские Гагры, полпред ОГПУ Закавказья Берия просто обязан был бывать в местах отдыха Генерального секретаря ЦК ВКП(б).

И бывал.

Но в поле зрения Сталина он попадал все чаще отнюдь не потому, что постоянно мельтешил у Сталина перед глазами. К слову, если бы он это проделывал, то Сталин резонно спросил бы: «А что это вы, товарищ Берия, здесь делаете? Я-то отдыхаю, заслужил, а вы?» Русский-то вождь и на глаз, и на слово был остер, доказательств тому мы имеем много.

Нет, Сталина в Берии привлекла именно его управленческая компетентность, особенно заметная на фоне всех этих Мамия, Миха и Шалв...

И 17 августа 1931 года...

Нет, вначале я поясню, откуда я знаю, что делал (а конкретно – что и кому писал) в этот день Сталин.

В 2001 году издательство «Российская политическая энциклопедия» и Федеральная архивная служба России тиражом в 2000 экземпляров издали переписку Сталина и Кагановича за 1931–1936 годы. Эта переписка захватывает и сама по себе – я читал ее как роман Дюма! Но она же мне и пригодилась практически – там нередко (хотя и не так уж часто) упоминается Берия.

И что интересно! В 1995 году была издана (намного скромнее) переписка Сталина и Молотова за 1925–1936 годы. Как видим, период этой второй переписки на пять лет больше, чем у первой. Тем не менее в молотовской переписке имя Берии отсутствует вообще.

Почему?

Не потому ли, что переписка Сталина с Молотовым – это всего 86 писем (для сравнения: переписка с Кагановичем имеет объем в 862 письма), которые 79-летний Молотов сдал в декабре 1969 года в Центральный партийный архив по собственной инициативе? И коль так, не имеем ли мы здесь дело с цензурой самого Молотова?

Лично я убежден – отсутствие имени Берии в сданных Молотовым письмах не может не выглядеть многозначительно. Не хотелось, похоже, Вячеславу Михайловичу, представлять потомкам очень уж объективную картину далекого прошлого.

Но как бы то ни было, в моем распоряжении имелась обширная переписка Сталина с Кагановичем, и вот в ней-то я нашел немало занятной информации, начиная прямо с первых страниц.

17 августа 1931 года Сталин писал с юга Кагановичу в Москву:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.